

СМЕНА №6

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд. во ЦК ВКП / с/г, "Правда"

ИЮНЬ
1935

Лето

ЭТО БЫЛО в июне

ОСТРОВ БАРЕЦЦА

В 1596 г. амстердамские купцы сварили 2 корабля в далекое плавание. Капитаном одного из них был Яков Хесселер, общепризнанным — отважный голландский мореплаватель

Вильям Баренц. Вторым кораблем командовал Рейн.

Вскоре после выхода в море экспедиция разделилась, ибо между Баренцом и Рейном начались раздоры. Корабли разошлись в разные стороны. Баренц пошел на восток. Утром 19 июня 1596 г. он увидел землю — то землю. Это было на 80°11' северной широты. Голландцы назвали землю за Гренландию, но в действительности это была еще не известная тогда земля Шпицберга. Открытый остров был назван «Островом Баренца». Островом заинтересовались: там была утюг. Англичане предвидели на него права, узнавая, что Шпицберген был открыт не еще до Баренца. Голландцы острова не уступали. В 1618 г. произошло вооруженное столкновение, победителями из которого вышли голландцы. Впоследствии островом владели голландская и шведско-датская промышленности, но шахты работали плохо.

В 1932 г. советское правительство взяло концессию на добычу угля на Шпицберге. Там пришла наша колония, и остров преобразился: началась энергичная работа, появились клуб, театр, кино. Мощная радиостанция дает возможность остританам быть в курсе всей жизни нашей великой страны.

МАЛЬЧИКИ ИЗ ШАХТЫ

В семье шахтера Стефенсона, из поселка Валаа, близ Нью-Кастл, 9 июня 1781 г. родился сын Джордж, будущий создатель паровоза и первой железной дороги.

Джордж Стефенсон мальчиком работал в шахтах. Начать учиться он смог, только когда ему исполнилось 17 лет. Денег — жалкая, изнуряющая работа, которую упорные мальчики надо нарабатывать потерянное время. Особенно увлекался Стефенсона механика.

Однажды в угольных копях, где он работал, испортилась паровая машина. Шахта была затоплена водой. Все попытки слить воду были бесплодны. Стефенсон предложил инженеру свой проект перероботки машины. Проект заключался в усилении давления пара в машине. После некоторого колебания инженер разрешил Стефенсону начать работу. За 6 дней Стефенсон осушил шахту. За это он был назначен старшим машинистом.

Особенно интересовала Стефенсона проблема паровой тяги. В угольных копях привлеклись локомотивы, но все они двигались медленно, выбрасывали массу искр, дыма и пара, за что и были прозваны «шпидерками» Блэлла. Стефенсон поставил себе целью создать совершенный локомотив как средство передвижения. Много лет ушло на разрешение этой задачи. Его детальным и верным помощни-

Летом 1823 г. на палубе океанского парохода, шедшего в Америку, американский живописец Самуэль Морзе познакомился с доктором Джексоном. Завязалась беседа об электричестве. Доктор Джексон вел с собой гальваническую батарею и волькромит. Желая продемонстрировать новому знакомому интересные электрические приборы, Джексон отстранился с ним в каюту, но она оказалась закрытой. Пришлось ограничиться карандашом и листком бумаги, при помощи которых доктор объяснил Морзе устройство батареи.

Это натолкнуло Морзе на мысль — использовать электричество для передачи слов на расстояние.

И 20 июня 1840 г. американское правительство выдало живописцу Самуэлю Морзе патент на электрический телеграф.

Было бы ошибочно думать, что история телеграфов начинается с изобретения Морзе: телеграфы существовали еще в древности. Например китайцы передавали на бамбуке явля огня, давая сигналами армии. Европейские армия применяли зеркала, посылая отражения лучей по цепи.

Телеграф Морзе находит свое применение и в наши дни, несмотря на то что после него появились десятки разнообразнейших конструкций телеграфных аппаратов: буквенно-цифровые аппараты Юза, звуковые, Клоппера, телеграфные пишущие машины Гейтсблума и др.

Азбука Морзе широко распространена в радиотелеграфии. При помощи этой азбуки на коротковолновых передатчиках с коротковолновыми антеннами всего мира.

ком был подросток сын. В 1814 г. на угольных копях появился первый Стефенсона-паровоз «Блэкер», названный так в честь популярного тогда немецкого половецкода, победителя под Ватерлоо. А в 1825 г. была построена первая в мире железная дорога, по которой начал курсировать степенсонские паровозы.

5 июня 1783 г. поднялся в небо первый аэростат, названный по имени изобретателя «монгольфьером».

Великий изобретатель его Жозеф Монгольфье родился в городе Аннон, на юге Франции. Рос Жозеф непослушным и расценным мальчиком, не проявляя никакого интереса к торговой деятельности своего отца. Очаровываясь, Жозеф унес страсть к полету. Француз, пожелав работать в разных химических заведениях и даже изобрел синюю краску, на-

заваную им «гиме». Будучи в Париже, он познакомился с рядом крупных физиков и химиков и работал в их лабораториях.

Вернувшись в Аннон, Жозеф посетил себя научной работой. Особенно он интересовался проблемой полета по воздуху. Он устроил что-то вроде парашюта и прыгал с ним с крыши своего дома. Затем он посетил в свои изобретения братья Этьена и уже вместе с ним произвел различные опыты.

Сначала братья Монгольфье пробовали наполнять шары бумажными шариками. Газ двигался по облаку, состоящему из паров, то почему не может возникнуть шар? Но воздушный газ, который при температуре выше 100° Цельсия действительно легче воздуха и все бы поднялся, как сейчас, сейчас же сдувался при обычной температуре, превращаясь в мелчайшие водяные капли.

Братья Монгольфье делали опыты и в водородом, но водород проникал сквозь тонкие стенки бумажной оболочки и уходил в атмосферу. У Жозефа маленькая мысль — наполнить шар натрием воздухом. Разведя маленький костер на ошине камня, он расширил над ним свой шарик, в котором увиделись набухать, как мешок стал раздуваться и подниматься к потоку коматы.

После этого братья Монгольфье приготовили в Аннон шар, наполненный газом натрием воздухом и тут же поднялся. Шар поднялся на 300 метров. Окрыленные успехом, изобретатели сделали второй шар, значительно больше первого, и 5 июня 1783 г. пустили его в присутствии толпы сограждан. Шар поднялся на 1950 метров.

Известие о необычном полете шара долетело до Парижа. Парижская аристократия тут же начала ходатайствовать о приезде братьев Монгольфье в Париж для повторения опыта. Вскоре состоялся торжественный подъем аэростата в Париже в присутствии короля, придворных и огромной толпы. В качестве пассажиров на первом аэростате поднялись братья, дедушка и утка. Шар поднялся на 200 метров и продержался в воздухе 10 минут. Благополучный его спуск вызвал бурю восторга.

Начало воздухоплаванию было положено. Изобретательская мысль начала работать над разрешением проблемы управляемых аэростатов-дирижаблей и аппаратов тяжелее воздуха — аэронавтов. Полтора века засчитывает воздухоплаванию, а успех его громадоумен. Заново атмосфера, человек уже проникает в стратосферу и успешно работает над конструкцией аппаратов для межпланетных сообщений.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд.-во ЦК ВЛКСМ, «Права»

№ 6

1 9 3 5

12-й год издания

Москва, «25», Копьевский пер., д. 3. Прием
авторов ежедневно (кроме выходных дней)
с 3 до 5 час. Тел. 4-46-74

*Товарищи Сталин и Ворошилов беседуют с летчиком Чкаловым на Московском центральном аэродроме,
Второй справа—начальник военно-воздушных сил РККА тов. Алексис.*

...Раньше мы говорили, что «техника решает все». Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой,—мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших

первоклассных заводах и фабриках, в наших совхозах и колхозах, в нашей Красной армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффента втрое и вчетверо больше, чем она имеет теперь. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг—«техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники,—должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное.

(Из речи товарища СТАЛИНА на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.)

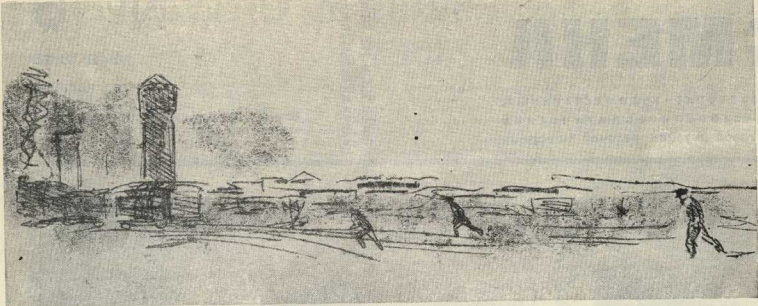

Рис. С. Растрогуева

Николай Островский

Восстание

В обширной камере полутемно. Два небольших окошка с массивными решетками пропускают мало света. В камере смрад и грязно. Вместо 15 здесь 31. Додатие нам завалили человеческими телами.

Лежавший прямо на полу богатырского телосложения крестьянин в стоптанных лаптях повернул к Пшитогодскому голову и, забравшись пинтерней, как гробием, в широкую свою бороду, сказал:

— Что ты мне квакаешь? Спокойн веков лжи нас мордовали! Привык нам считать нас «бидло»... Не бывать меж поляком и холодом миру до самого окончания века!

Пшитогодский заобидно спалонул.

— До чего же туп человек! Всего тебе давно богато, а ума мало... Да возьми ты меня и себя, к примеру, медведь ты косоватый! Чего нам с тобой враждовать, сизни на милость? И тебя и меня помещик поровнит в ярмо запрячь да и толкать до седьмого поту. Выглядит: поляк полку—разница! Не все же они помещики, чорт доберит! Есть и такие бесштанские, как и ты!..

Крестьянин слушал его недоверчиво.

— Небось, был бы помещиком, тоже влодила бы аршином не хуже пана Зайонковского. Сам, говорюшь, беспортошный, а все в нос тычешь: «дурак», дескать, «баран сельский», а я вот ушкин. Говор свой показываешь...

И-под нар выкукульсь британ голова с лисьими глазами.

— Ну и упрямый же вы, пан Пшитогодский! Хотите из этого быка скакового жеребца сделать! Хи-хи-хи!—и обла-

датель лисьих глазок выбрался из-под нар, где он спал.

— А какое твоё собачье дело? — спокойнo ответил ему крестьянин, понимавший пальскую речь.

Пшитогодский тоже неприязненно посмотрел на вертикального человека в еврейском костюме с помятым галстуком.

— Помни, что это автомат. Нажми на курок — он засылает, как пулюет.

Конце 1918 года, Западная Украина, Галиция. В Германии — революция. Немецкие оккупационные войска бегут с Украины, преследуемые партизанскими отрядами. Большой город. Только что польские фашисты-ленинеры захватили власть. Они спешат развить революционное движение. Выпущен на тюрьмах часть арестантов, они остаются там коммунистами и рабочими.

Коммунистическая партия Польши посылает в город своего члена ЦК, старого революционера Сизимирда Ревекско. Ревекше готовится к восстанию. Молодежь: сын Ревекского Раймонд, его товарищи Андрий и девушка Олесь — принимают активное участие в событиях и органируют в подполье коллективную ячейку.

Обо всем этом я пишу в своем новом романе «Рожденные бурей». Отрывок из этого романа я предлагаю вниманию читателей «Смены».

Н. Островский

— У меня ко всему дело есть, на то я..

— Шулер и охмура! — закричал за него звонкий юношеский голос из угла камеры.

— Ты, щенок, потише там, а то... — и человек сделал взрывательный жест рукой.

Лежавший рядом с Пшитогодским походил рабочий с бледным худощавым лицом вменялся в перепалуку.

— Осторожнее с кулаками, пан Дзёбек Пшеничек сказал правду. Факт, что ты всех протасков в камере обобраа...

— Я? Обобраа? — и Дзёбек сунул руку в карман.

Камера давно проснулась, но лишь теперь приняла движение. И в этом движении Дзёбек уловил нескрываемую угрозу себе.

— Как ты думаешь, Патай, чего ой руку в карман сует каждый раз, когда ему دست прищипывают? На псуот берет, там у него талая поганая привычка? — спросила своего соседа Пшитогодский.

— Я знаю, у него там безопасная бритва, — подсакала из угла юноша, которого звали Пшеничком.

Юношка вставал самоти, быстро встал и шагая через асизацию на полу, подошла к Дзёбеку. Это был высокий белокурый парень с голубыми глазами, одетый в белую робу пенношвы вытиснул на появине, извивавшего десятилетнего ученика. Хозяин отдавался легкой царапанию, а Пшеничек ждал суда.

— Покази, что там у тебя! — крикнул о Дзёбеку.

Камера затрела... По коридору пробежала кто-то из сторожей. Затем послышался топот тапжамки сапог и резкий крик команды. Дверь камеры отворилась. На пороге стоял офицер в неизменной винюшко форме. Сзади него — несколько солдат. Переруганный начальник тюрьмы перешагивал толстую книгу с аттестатами арестантов. Пшитогодский прыгнуто

встал: в одном из солдат он узнал своего брата Адама, а в офицере— брата, который предлагал ему вступить в польский легион.

— Здесь, господа капитан, крестьяне, арестованные за восстание,— борются за каменные топоры.

— Это по делу Зайчковского?— спросил офицер.
— Да, да... Потом семь рабочих казарного завода...

— Знаю. Известно несколько человек по разным делам. Среди них два полка. Из них— Дзюбек по обвинению в шугерстве и шляпные и Пинтодский. Этот в особом велеции коммандуры...

— Знаю!— офицер, которого звали Врона, уже надувал губками Пинтодского.

— Ну, остальные по малочисленным делам. Среди них один несовершеннолетний— Пшеничка...

— Врона взяла книгу, сделала отметку красными карандашами на полях, против фамилий Пинтодского, казарников и крестьян.

— Остаются выпустить. Нечего кормить дармоедов! Покиньте дальше...

Вести о фашистском перевороте и о том, что из тюрьмы освобождены арестованные, мгновенно распространилась по городу. Вскоре у тюрьмы, стоявшей на окраине, собралась толпа. Оттуда легионеров не подпускало никого близко к воротам.

Раймонд, Андрий и Олесь тоже были здесь. Ничего нового толком не знала. Когда из ворот выбежала молодой парень в пепарском комбинезоне, его сейчас же обступили.

— Ты что, тоже сидел?

— Да!
— Значит, всех освобождают?— спросил его Раймонд.

— Ну, да, все! Один жуликов толокно... А некоторые честные, так тех еще на один замок...

— Выходит, ты жулик? Раймонд, береги карман!

Пшеничка яростно повернулась к Андрию.

— Это ты сказал, что я жулик? Сакаринская потора!

— Сам назвался!— крикнул ему Андрий, готовясь к потасовке.

— Да чего вы сцепились как петухи? Не дадите распростиры толком словеса!— крикнула повзрослая женщина и потянула Пшеничку за рукав.

— Так не всех, говорю! А кого ж оставлю?

— Эй, ты! Чего ты тут брешь? Хочешь обратно за решетку?— угрожающе прикрикнула на Пшеничку хорошо одетый господин, известный всему городу владыкой колбасного завода, и толкнул парня плечом в спину.

— Ты за что его ударила, колбаса сонная? На, получи сдачи!— и Андрий ловко сбил с толку торговца котелком.

— Кар-р-а-а! Пшеничка!— зардал тот, схватившись рукой за лясницу.

По мостовой заревола колпота.

— Что это за сбирение? Поручик Заремба, очисть площадь!— с высоты копыта полковник Матыковский отдала пригрозительным взглядом ступивших у тюрьмы.

— Раз-зой-дис! Звал, сабиш нагодо!— скандально заревола Заремба.

Над головами его свернула палани.

Толпа давно выстроилась в створку.

Пробежав два квартала, Раймонд, Олесь и Пшеничка останавливались.

— Где же Андрий? Вы его не видели?— вопрошала Олесь. От брата жени ее распростились, она густою амлетом. Молодой лекарь посмотрел на девушку, затем на Раймонда, и в голубых глазах его промелькнула грусть.

Иа переула вымирнул Андрий. Он бешал легкими шапками, верта в руках шапку.

— А-а-а! Вот вы где? Фу! А я отстал маленько...— смеж свернул в его глазах.

Подбежав к друзьям, Андрий прислонился к забору и, не в силах больше сдерживаться, захохотал так громко, что Олесь даже вздрогнул.

— Эй! Если бы им видели, как он ушахатывается! Ха-ха-ха! Умы! Не могу больше...— и, захлебываясь хохотом, он в изнеможении сел на камень.

— Когда все кончилось, я колбасина еще раз ударила палкой. Он так побоеит! Да так швадро, что я его наислу догнала. Даа ему на прощанье еще раз! Он от меня как от чорта в створку подползает!

Пшеничка тоже смеялся от всего сердца. Раймонду и Олесе, глядя из-за них, трудно было сохранить серьезность.

Отцы и сын Равеские осторожно пододвину к своему дому. На окне зажегшая лампа.

— Значит, все спокойно. Маме комца.

Отец вошел в квартиру, сын остался сторожить у ворот.

Из дому вышла мать.

— Иду к жене Паталя. У нас Оливка. Отца дождалась...— и скрылась в створку.

— Мамка, родная мама! Как она изменилась! Совсем молодость к ней вернулась...

Раймонд вошел в дом. Старый наборщик Оливка притаял за голенище ласток.

— Все будет сделано, товарищ Равеский! У нас на складе, в типографии, вода колбаски стоит запасама, собослова. Ручная. Сегодня ночью у нас срочный заказ от издателя. Приказы, мобилизационные анкеты и воинские книжки... Я, кстати, и вам принесу этого помещикова. Может, пригодится... А сегодня ночью сам отпечатано. Пятнадцать штук; больше не успею. Только под упор возвания надо внести из склада.

И набор тебе, а то разобрать его мне некогда будет. А потом я вам шапирограф по частям приштачу...

Оливка говорил спокойно и рассудительно.

Старый наборщик поправился Равескому. Все лицо в мелких морщинах. Большие очки в желтой оправе, а за ними— голубые добрые глаза.

— Хорошо, товарищ Олива, действуй.

Кого Олива выслушал, Равеский повернулся к Раймонду.

— Вот что, сынуку, мы поручаем тебе организовать коммунистического союза молодежи. Партия нужна створочнее и разведчики, предания молодежи. Нелегальная работа требует большой конспирации. Принимать можно только жизнью... Кого ты считаешь наиболее достойным?

Раймонд задумчиво опустил голову. Мягкий локон скользнул на височной белой лоб. Густые ресницы вздрагивали.

— Я не знаю, батьку. Это ведь так серьезно,— проинтона он, наконец.

— Хорошо, и помю тебе. Что ты думаешь об Олесе Ковалло? Она дочь рабочего... Из дело: отец и дочь. Красная связь— кровное дело. Она, мне кажется, смеяла девушка.

— Да, батьку, мне тоже так кажется...

— Привык пан считать нас за скотинку, так и зовет „быдло“.

— Ну вот! Один товарищ уже есть. Дальше, кого ты знаешь?

— Есть, батьку, еще Андрий Птата. У того отвати— дочь обрвавай. Только он озорной отец и может перестараться. По-моему, он сознательный, толко очень горячий...

Равеский улыбнулся.

— А вы его будете на самые рискованные дела пускать. Пусть проврит там свою уалью. Но осторожность придет вместе с сознанием, что он может погубить не только себя... Он что, твой приятель?

— Да... То есть не то, чтобы очень... Зато он очень хорош с Олесей...— и Раймонд замечательно смутился.

— Угу... Что же, это неплохо. Друга в подполье— огромная вещь... Еде кого ты думаешь?

— Еще, батьку, есть тот парень, что в тюрьме сидел вместе с Паталем. Chez Пшеничка. По натуре он подходящий к Андрию, но, пожалуй, более сознательный...

— Добре. Завтра ты поговори с каждым в отдельности, не забывай имен другие... Рассведи о всех трудностях, чтобы ребята знали, на что они идут. И только после их доброго согласия можно считать их членами организации. Первую группу утвердит областком партии, а потом новые товарищеские будут принимать самостоятельно... Сейчас ты пойдешь на дознание. Там, только предост серьеозное дело. У тебя есть оружие?

— Да, револьвер, который отобрал у полковника Андрия.

— Ты знаешь, как с ним обращаться?

— Нет.

— Давай, я покажу...

Когда Раймонд освоил нехитрую технику пистолета, отец сказал:

Братья Поло встречают в пути ханскую юрту.

Вы не понимаете, сннвор, что званат ваши слава о том, будто бы на чужом море вы не выдани в небе Полярной звезды.

Это значит, что званат кругал.
Вы купец, вы не ученый. Вы не знаете, что доместе не мог бы сойти на кругалю землю. То, что вы говорите, — ересь...

Во имя совести признайтесь, что вы клеветали на звезды, и мы даже не сожжем вашу книгу, потому что, в конце концов, не так страшна еще одна роман — роман о великом каве.

Мы не сожжем ваши книги и напишем только на них: «Слова сннвора Марко Поло».

Монах говорил и захватываю свою ясу, потому что был стыдлив. И Марко Поло, разведчик, ответил:

— О, господин священник, совесть в душе людей разная, и в разных странах я видел разные совести и разные реалии. Я видел страны, где чужестранца муш заставлял лечь со своей женщиной... Я видел страны, где меня принимали за демона, потому что я и белый. Я видел людей, которые убивали во имя бога. Я видел людей, которые во имя бога торговали, крутали мельницы, испанские словари.

И вера и небо в разных странах разные, и как радовался я, когда Полярная звезда вновь

показалась над горизонтом, на высоте роста ребенка.

Тогда священник отовинула дары и сказала: — Должен ли я понять так вас, сннвор, что вы зотите умереть, не покаявшись? Безбожники не имеют права подписывать духовные завещания. Подумайте о ваших детях.

И тут Марко Поло засмеялся.

— Друг, — сказала он, — я купец, я много торговал, я торговал даже с людьми, язык которых был неизвестен. Мы сторукуем. Я знаю, что вы и нотариус. Позовемте писца и составим завещание.

Монах наклонил голову и сказал писцу пришедшим голосом:

«Во имя нечестного бога, аминь».

В год от воплощения господа Иисуса, Христа 1323-й, в 9-й день января месяца, в начале седьмого индикта в Ринальто...

Писец записал.

За делом уже плакал. И слушали. Нотариус продолжал:

«...Дар божественного вдохновения как и заключенные предостратительной мысли озвучиваются в том, что всякий человек должен познать бытие отдале распорядиться о своем своем имуществе прежде наступления суда смерти,

дабы в крайнем случае оно не оставалось бесхозным...»

Монах Джованни Джустиниани сказал тихо Марко:

— Но я не завещательство, сннвор, завещание, если вы не поинтересуетесь с церковью.

Тогда заговорил Марко Поло.

— По сему я, Марко Поло, прихода святого Иоанна Златоуста, чувствую себя единственно все слабее от трагического исхода... послаа за Джованни Джустиниани, священником церкви святого Прокула и нотариусом, и поручил ему составить мое завещание в полном виде...

...Завещая я монастырю св. Джованни и Паоло, который мне должен, и братьям Рене-ри, и брату Бенвенуто по 10 лир сверх того, что они мне уже должны... Также завещаю по 5 лир каждой монастырской общине в Ринальто и по 4 лиры каждому члену гильдии или братства, в которых я состою членом... Также завещаю 20 сольдов венецианских священнику Джованни Джустиниани за его труды по составлению этого завещания... Равным образом я освобождаю татарина Петра, моего слугу, от всяких уз рабства и отдаю ему все, что он заработал трудом в моем доме, и завещаю ему 100 лир.

— Сннвор, — сказала священник, — противно обычаю освобождать рабов в духовном завещании. Говорят, что это побуждает рабов ускорять смерть своих хозяев. Это запрещено даже законом Генуи.

— Я не в гатуаском плену — возразил Марко Поло и продолжал: — Из прочего имущества я завещаю Донате, жене моей, 8 годов в венецианских динарах ежегодно, если, конечно, на ее собственное использование, сверх ее имущества и белья, и всю домашнюю утварь с тремя забытыми пухом постелями.

Священник сказал:

— Я пойду и приготовлю копию этого документа.

— Не забудьте написать, — сказала Марко, — а если кто издегит или нарушит настоящее завещание, то будет подложено, если не доказано дупетринкачице в 5 фунтов золотом.

И будет связан, — сказал нотариус, — анафемом трехсот восемнадцати отцов вселенской церкви.

— Пусть так, — сказала Марко. — Позовите ко мне Петра. Пусть он мне расскажет о том, о чем я не хочу забыть перед смертью, о том, как пальцы мои имеют неземные остро-во под небом, где нет человека и не назыву три Донате, жене моей, которой я завещаю все белье и домашнюю утварь и три пуха набитых постель.

Евг. Абрисинев

ПЕСНЯ ГОРОДОВ

Если будешь в Киеве,—вог тебе задание—

Посмотри, как строятся

— в Киеве

здания.

Если будешь в Киеве,

там, где берет

крут,

Посмотри, как носятя люди

по Днепру.

Хлопец тебе встретится

ваших

лет.

Передай ты хлопцу

от меня

привет.

Пусть песни веселые

хлопец поет.

Пусть город Киев

врагам не отдаст.

Пусть в городе Киеве,

прямо у волы,

Пусть цветут советские

зеленые сады.

Если будешь в Киеве,—

другу

расскажи

Про нашу,

про московскую,

хорошую жизнь.

Менится над Москвою

чудо-бегущая.

Что ему ни станция,—

то

дворец.

Если будешь в Киеве,—

вог тебе задание —

Вызови хлопца

на соревнование

Полодюю песенному

привлуду года,

Будут в мире лучшими

наши города.

Пусть летит по миру

Песня городов,

Пусть не забывается

это

город.

ПОЛЕТ В БУХТУ ТИКСИ

Карта перелета В. Л. Галышова.

В. Л. Галышов — один из первых полярных летчиков нашей страны. Галышов работает авиационно 20 лет. Он совершил 250 рейсов на Иркутск в Якутию, летая на этой линии полмиллиона километров. Участник спасения чехословацких и многих арктических экспедиций, он прекрасно знает Север. В начале текущего года Галышов первый на всю историю авиации перелетел из Москвы в бухту Тикси, расположенную в дельте Лены, в моря Лаврентьева. Об этом своем рекордном перелете Галышов рассказывает в специально написанной для «Смены» статье.

До меня никто не летал зимой в Тикси. В 1930 г. это попытался сделать известный полярный летчик Клавдия Ослод копей Сахар-Хай Клавдия попал в жестокую бурю и вместе со своим бортмехаником Леонидом разбился на смерть. С тех пор никто не повторил его смелой попытки. Но годам было использовано для образцов подготовки труднейшего перелета, нарушитель которого превышает 10 тысяч километров.

В середине января я прибыл в Москву принимать машину, на которой должен был лететь в Тикси. Мой самолет «СССР-Н-62» представлял собой диалометаллический моноплан (двухлопастный), полностью сделанный из дюралюминия. Машина — отечественного производства.

Я прибыл ее без специальных испытаний и, не мешая, забрав почту, стартовав на Москвине через несколько дней, имел бортмехаником Леонида Демидова. На борту самолета находились также корреспондент «Комсомольской правды» Евгений Рыбчиков.

От Москвы до Иркутска летели без особых приключений. Эта трасса считается вполне удобной. Лишь в Якутске вынуждены были задержаться: бушевала метель.

Успешно форсировав Уралский хребет, который савитесь густыми туманами и свирепыми снежными бурями.

В пути к нам присоединился на машине СССР-Н-63 летчик Нерони. Бортмехаником у него был родной брат моего бортмеханика — Дмитрий Рыбчиков. Так было положено начало той «семейственности», которая в дальнейшем еще более укрепил товарищество и производственную славу между собой летчиками.

Путь от Москвы до Иркутска был испытанием не столько для людей, сколько для самолета. Я летал на машине, но прошедшей специальной проверке. Бывало заволакивали были некоторые мои опасения. К чести советской авиационной промышленности должен сказать, что машина показала отличные летные качества.

Из Иркутска я вылетел 23 февраля. Неожиданно наступила оттепель. Она целый день продолжалась в городе Киренске, находящемся в 1000 километрах от железной дороги. С плохимым задержками на Севере приходится мириться. Ртуть в градуснике поднялась до 8 градусов. Рыбный снег припал к ледяным, они ввали в мутной луже, и самолет никак не мог взлететь. Мы сбавили скорость, всячески стараясь облегчить машину. Наконец, мы оторвались от земли.

Следующую остановку сделали в селеении Пелуду. Здесь прилетел самолет Пелуду — в условиях сурового, но ценная тем, что в верховьях ее находится богатые залежи соли. Надо

знать, что Север довольно беден солью, а потребность в этом продукте быстро растет: развивается рыболовство. В Пелуду, на большой реке, строятся баржи для рыбных промыслов.

Через 4 дня после старта в Иркутске мы прилетели в Якутск — центр Якутской автономной республики. Отсюда начинался последний этап пути до Тикси.

Вереди нас ждали 1500 километров, пурга, морозы, высокие хребты и непроходимая тайга. Мы не теряли себя надеждами на хорошие посадочные площадки и прочее: зимно-оборудованная яма, что у нас не было и мысли об отступлении.

Проверив машину, заправившись горючим, в полдень 3 марта мы стартовали в Тикси, готовое ко всяким неожиданностям.

Первую остановку совершили у копей Сахар-Хай, где разбавил оттаивания Клавдия. И сразу же пришлось основательно поработать: притоптанной для нас аэродром с выложенными посадочными знаками нигде не годился. В этом и убедился, едва вступая в него. Я не хотел рисковать разбить машину, нашел другую площадку и спокойно шел.

На следующий день вылететь не удалось. Погода была ясная, но 60-градусный холод vaporизировала моторы, в горячую воду, масло и бензин вовремя не был подвезены. Вскоре самолет пурга, похоронившая под глубоким снежком вылетную площадку. Сила ветра достигала 20 метров в секунду, и нам ничего не оставалось, как отступить в барак, утаившись в огромных снежных сугробах.

На шестые сутки начал вынужденного отступления. Мы двинулись вперед, при температуре минус 55 градусов вылетели в Жиганское. Это поселение считается в тамошних местах одним из наиболее населенных пунктов: там живет около 100 человек. При советской власти в Жиганском выстроены школа и больница. Среди урты высятся и две бывших церкви, в которых сейчас помещается риза. Два пона, крестьянские «инженеры», узнали об открытии колдобного клуба безала отсюда, бросив на прощание судьбы «божьи храмы».

В Жиганском посадочной площадки нет. Мы совершили посадку в километрах 30 от него, на галском острове, послужившем нам прекрасным аэродромом. Оставив самолет под охраной тунгус-работого, мы на оленьих упряжках добрались до селения.

Помимо прочего, узнал этого тунгуса Петр Кучумов. Интересно, что большинство эвенков и других народов, населяющих Север, носит чистое русское имя. Это объясняется тем, что старожилы — русские назвали — во время своего заповедательного движения в Заполярье насильно крестило всех попадавших к ним на

путь туземцев, причем, не долго думая, тут же давали им свои имена и фамилии.

В Жиганском мы поместили в одной из бывших церквей. Ночью внутренность церкви грелась собой необычайный вид. Я и летчик Нерони расположились у дровяного зрета, корреспондент Рыбчиков — на правом каморке, инспектор полярных авиации Кац — на левом, а механизники — у ямбона.

Очень пришлось отоспаться в 14-24 часа наступившей пурги. Попытались пробиться в Буану, но вернулись: сплошная стена тумана перегородила путь...

В Буану мы прилетели утром 14 марта, полярный при морозе в 60 градусов свыше 500 километров. Я летел без очков: они в полете потели. Плохое место в моей машине работало совершенно не защищено было от взвешиваемой пыли, бивает прямо в лоб.

От Буана до Тикси 120 километров, всего 45 минут лета, если лететь через хребты. Мы были почти у цели. Как мы ни старались справиться по радио с радией бухты Тикси — это не удавалось.

Летел по компасу.

В бухте нас ждали, но точный адрес прилета не был известен, и поэтому мы 15 марта долго кружились над бухтой, пока нас не заметили.

Шинни был радостным и бодрым.

Зимовники с благодарностью ждали нам руки за доставленные письма, намереваясь пригласить и себе вместе чашку, отдохнуть. Для нас были приготовлены специальные, хорошо оборудованные помещения. Женщины-зимовницы напекли для нас пироги и печенье.

При всем желании мы не могли воспользоваться гостеприимством зимовников: с востока надвигались тучи, крепчал ветер, елементно мотал разразиться буря. Она бы сильно задержала нас в Тикси. Мы выполнили задание, и наемным прыжком долго было лететь назад.

Поблагодарив зимовников, захватив обратно почту, мы через час после посадки уже были снова в воздухе.

Мы торопились, опасаясь пурги, но так и не удалось от нее уйти.

Когда мы перелетали высокий хребет, нас взяло в оборот. Машину начало жестоко бить. Напряженно прислушивались мы к работе моторов. Но под крылом оторвалась замасляющая картина, прекрасная в своей дикой красоте. Демилась вершина гор. Ветром с их макушек сдувало снег. Казалось, что все закружилось в одной стрекотливой, неуверенной палке. Ни самолета ни людей не увидели, и обратный путь прошел вполне нормально.

Мой перелет закончился точно по плану. Он показал возможность регулярной связи с бухтой Тикси в течение долгого года. Последнее крайне важно: бухта Тикси принадлежит к крупнейшим полярным станциям. В 1933 г. в бухте построена судна женской экспедиции, в 1934 г. ее снова посетили суда другой полярной экспедиции. В Тикси строится большая авиационный порт, которому суждено широко развиваться.

Я своим полетом в Тикси вполне доволен. Мне известно полностью раздалось и мой товарищ по полету.

Выступление Ленина на проходах частей Красной армии на Польский фронт.
С картинки худ. И. Бродского.

А. Листовский

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ

ВОЕНКОМ САЛОВ

(Из эпохи 1920 г.)

Ровно в пять часов вечера гуляки пущенный выстрел разорвал тишину над местечком Дзюновым. Потом бузнула вторая выстрела, третий, и загрохотала третья стрельба.

На том берегу, за густой сеткой проволоки, ткнулись окопы. То и дело взметывались черные фонтаны земли. Там бились белоглазые.

— Поткидины, Василий Иванович, — сказала комсомола Поткина, — вторая бригада пошла!

Салов поднял бинокль к глазам... Мясные фигурки, слегка пригнувшись, спускались по балке и перебежали вперед...

— Молодцы, вторая бригада! — воскликнула Салов и обрадованно повернула рычаг уса... — Глади-ка!

Бойцы уже бросились в реку и, по грудь в воде, под огнем пулеметов, переправлялись на ту сторону.

По реке катились сухой треск винтовочной и пулеметной стрельбы. Орудийный огонь со стороны поляков ослабе. Видно, батареи меняли позицию.

На гребне балки снова вырвались черные головы. Затем поднялась целая цепочка фигур и быстро побежала вперед. За ней стала следовать цепь, третья... Но в тот же момент за Дзюновым вновь зароготало орудия. Бежавшие шапки прорывали нависли над головами бойцов.

— Ну, теперь скоро и нам: шестьдесят четвертый двинулся, — сказала Поткина, внимательно сомотревшая в бинокль.

Со стороны комсомольского пункта вывалился взвод ратая и разбегались зелеными звездами.

Салов раздался шагн.

Продеревая на ходу шапку, покачиваясь на дашнике ноге, подползла адютант.

— Товарищ комсомола! — еще издали кричала он. — Можно выступить!

— А ты подступи наперед! — Пала может пододти несамостоянием. Сержант села гаубица бака. Я проехала по ней почти до самой орудия. Но там, дальше, кажется, колючая проволока. Ближе проехать не мог: могил обжуржить...

— Шестьдесят первый, по коням! Пола в полуэтом подтанула подпрыг и разобра лауадей.

— Сиди! Растаянулись рядами, полк на рыска пошел, по лощине.

Передя реку и дав кругу четыре версты, полк вышел из лесу.

Неожиданно впереди затрещала пулемет. Черной тенью на багровом фоне пожара вырвалась фигура дозорного.

Говорил командова, начальники заставы передает: полку остановиться.

— Что так? — У орудия колючая проволока.

— Эе, юрг! Товарищ Агеев, ко мне! От комсомола оторвался командир первого взвода.

— Говорил Агеев, давай быстро с взводом в нашу заставу... Там проволока. Задача — обеспечить полку свободный взвод в село!

Оставив за собой густой хвост шмак, первый взвод учался вперед.

— Я тоже проведу к заставе, — сказала Салов. — Тогда вместе поведем!

— Нет, команди, ты останешься вместе с полком, — Салов поджала губы. — А если что случится, кто полк поведет? — Рыжком повернула коня и учалась.

Продвигаясь с полверсты, Салов увидел заставу. Небольшая тропка вела к пулемету.

— Ну, Агеев, где проволока?

— За поворотом, товарищ воинском, шагай в двадцати. Но подойти невозможно: пулемет огня!

— Возьми человек десять бойцов, — приказала воинском, — выйди на гребень лощины и постарайся сбить пулемет!

Слепешенный, командирцы ползали вверх по отагому склону.

— Все оставшиеся, живо ко мне! Передав лошадей коноводам, бойцы подбежали к Салову.

— Вторая бригада уже атакует! — багровое, кричала воинском и охинула строй взгадил серых пропитательных глаз. — А мы топчемся на одном месте! — Он выхватил шапку: — Дашин проломил! Дашин догнал полку!

Бойцы бросились к проволоке, но тут с новой силой зачихала пулемет. Несколько человек побежали обратно.

С Саловым остались самые стойкие.

— Вперед! — кричала воинском. — Руби ес! И ревану шапкой по первому ряду колес, отбегнутой проволокой.

Крик потонул в жемолгом грохоте вырина. Взорвалась ручная граната. Силой вырина воинском отбросило в сторону. Вскоре, он увидел на земле, под деревом, бойца первого взвода Кувальца. Боец, раскинув ноги, судорожно ловил ротом воздух. Схватив упирающую шапку, воинском снова бросился к проволоке, за ним — бойцы Коротаев и Латкин.

Салов рубил и растаскивал проволоку, с остервенением хватался за колья и выворачивал их из земли.

Оставшаяся последняя, третий ряд проволоки. Уже боец Латкин занес шапку над ступнем, но тут снова наступила его.

Коротаев свалил осколок гранаты. Салов остался один.

Не чувствуя боли от ранной раны в плече, воинском ухватился за колья, вытаскивая его на себя. Это был последний кол...

Шатаясь и размахивая руками, Салов пошел к коноводам...

— Ребята, глядите, никак воинском идет!

— И без шапки!

— Что он шатается?

— А вы бы, Деря! — приказал старшина. — Добегти до него!

Подхватив шапку, Деря подбежал к воинском.

Быстро скакнул к командиру полка. — сказала Салов и ухватила командирца за плечи. — Передай: проволоки нет — дорога свободна... а мне пришло Константинича... Он гаубица влохнула и, медленно опускаясь всем своим телом вперед, присел на козотуре, прислонившись спиной к сосне.

Наутро командир полка диктовала донесение.

— Написал о потерях?

— Да, одиннадцать убитых, четырнадцать раненых.

— Гм... Писни дальше: воинском полка Салов ранен в плечо и в грудь вылетел... От эвакуации отбавился и остался в полку... Всей. Давай подлинну...

Но в первый раз так
Волнуясь, ребята,
Мы летим
На покатой вилке
От Сокольников
до Арбата.

Счастие может
Быть огромным
Только лишь
В нашей стране.
Я улыбаюсь
Совсем незанюмом,
И все
Улыбнется мне.

Вл. Замятин

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД

Мы гнали пламью
В воде по носу.
Мы рвали
Былы веры.
Здравствуй, здравствуй!
Первый поезд —
Первый летящий
Моей страны.
— Будьте любезны!

— В вагон, по местам!
Мы очень любим
В вагоне спать.
Вспыхнула тонисла,
И кажется нам:
Тысячи свам
В тонисла.
Знаю я:
Ничего не случится,

О ГЕРОИЗМЕ И О ЛЮБИМСТВЕ

Прекрасные большевистские черты: отвагу, выдержку, сильную волю—мы противопоставляем бессмысленному риску, авантюризму, спонтанно-благим трюкам, подорывающим опасность жизнь людей и целостность машин.

Правильно писал тов. Эйдеман в «Комсомольской правде» о том, что воздушные хулиганы «только играют в смелость, мужество и храбрость; на деле же их поступки не имеют ничего общего с теми прекрасными чертами нашей молодежи».

Я как очевидец катастрофы самолета «Максим Горький», облетевший в триумф всю страну, хочу рассказать об этом трагическом событии и о выводах, которые я сделал для себя как летчик.

На аэродром я пришел с летчиком Благиным на одной машине. С ними приехал также комсомольский работник ЦАГИ Лебедев и лескарь Тоса Смирнова.

Я вырвался первым, за мной Благин, и вместе встали на старт. Первым вылетел я, Благин — за мной.

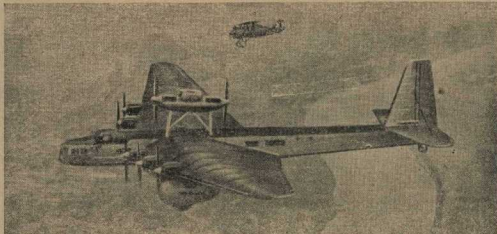
Набрал высоту 300—400 метров. Я увидел влет самолета «Максим Горький». Он шел выше кривокрылатого шеста.

Я стал приставлять к левому крылу гишав, а Благин стал на правом крыле.

На моем самолете был кинооператор. Он начал фотографировать самолет снизу. Потом оператор показал вверх. Я набрал высоту, и он стал фотографировать сверху.

Мне впоследствии рассказывали, что Благин во время влета сделал фигуру «немальман». Это сложнейшая фигура высшего пилотажа. В ней сочетается мертвая петля с поворотом самолета вокруг своей оси. Сделать такую фигуру волею земли — недопустимый поступок: Благин мог разбить самолет.

Когда мы засняли «Максима Горького» сверху, я его облетал, чтобы кинооператор заснял гишав сзади. После этого я свинтил

«Максим Горький» в последнем рейсе. Вверху — тренировочный самолет Благина.

вправо, а «Максим» пошел влево, повернув нос в сторону аэродрома. Благин в это время был на правом крыле.

Внезапно он сделал «бочку» вправо. После этого он прошел над «Максимом Горьким» и пристроился на левом крыле. Я поднялся повыше метров на 30, так как думал, что он будет делать «бочку» влево и может меня задеть.

В это время Благин пошел на фигуру «немальман», выкрутился вперед и оттуда сорвался, потерял скорость и врезался в правое крыло «Максима Горького».

Удара я не слышал. Повидимому, Благин ударил в металлические бачки, так как после удара поднялись клубы черного дыма. Я думал, что самолет загорится. Но пожара не произошло.

От гиганта сторвался черный предмет, покатился на землю или мотор. Я хотел выйти вперед и посмотреть, что случилось. Вынул: Юров открыл окно и высунул руку. Тут же он ее убрал. Я немного отстал. «Максим Горький» сильно наклонился.

Крен быстро увеличивался, и гигант все больше опускал нос. Повидимому, Юров сбавил газ и выключил мотор.

«Максим Горький» сразу пошел вниз с большой скоростью.

С правого крыла полетели куски олоотинной обшивки, небольшие деревянные части самолета, Благина.

Гигант стал дрожать, но держался еще в воздухе.

От правого крыла отлетел большой осколок. Я шел слева. Чтобы осколок не попал в меня, я несколько сбавил газ, прижал машину и начал набирать скорость.

У гиганта отвалился хвост. По фюзеляжу, словно черная молния, прошла трещина.

«Максим Горький», падая, срезал сосисы. Высота моя была метров 200, скорость — 260 километров.

Я стал выводить машину из крутого планирования. Вынул: побесал люди к «Максиму Горькому». У меня получалось впечатление, что самолет горит, но это летал пламя, походя на черную дым.

После этого я сделал два круга над местом катастрофы и полетел на аэродром.

Психологически катастрофа очень сильно на меня действовала: было горько и тяжело.

Юрова я знал очень хорошо; он был моим учителем. Это был прекрасный человек. Он любил свое летное дело. Он работал вдумчиво и осторожно, и когда выпускал в полет молодого летчика, можно было ручаться, что ученик подготовлен как следует. Он очень осторожно летал и всегда спорил с Благиным о том, как надо летать. Благин доказывал, что нужно «фигурить» на низкой высоте. Юров считал это безобразным, бессмысленным воздушным хулиганством, угрожающим жизни людей и машин.

Видя катастрофу, я сильно волновался: меня бросало в жар и в холод. Я встал себя в руки, подумал о том, что отвечаешь перед родной за самолет, за жизнь оператора, за свою жизнь, и пошел на посадку.

Меня встретил летчик Ермаков. Стал обнимать, а в нас плелся. Меня обступили, стали расправлять, но я не мог говорить...

Я считаю, что героизм можно показать, если тебе дано важное задание — полететь, рискуя погибнуть в бою. Спасение людей, человечества, когда это сопряжено с преодолением тяжелых препятствий, тоже является подлинным героизмом.

Не останавливайтесь перед опасностью, когда этого требуют интересы родины, — это подлинный героизм. А то, что сделал Благин, — это большое преступление.

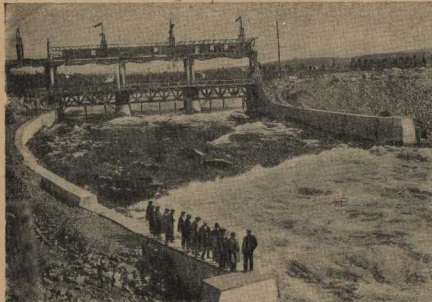
Скорбя о великой потере, мы должны приложить все свои силы, чтобы работать быстрее и четче, чтобы беречь как зеницу ока каждого человека, каждую машину.

Поведение Благина противоречит тому, что говорила товарищ Сталин о бережном отношении к человеку.

Этот трагический случай мобиливала летный состав. Мы с энтузиазмом откликнулись на решение правительства о постройке новых самолетов. Мы обещаем приложить все силы, чтобы вытратить из нашей среды фокусничество и хулиганство!

Летчик Владислав Рыбушкин. На заднем плане санитарный самолет «Н-3».

Север быстро индустриализуется. На берегах Нивы выстроена самая северная в мире гидростанция. Бурные волны Нивы локорно проходят через щиты водосбора. На соседнем снимке: автомобиль в лесах под Петрозаводском.

Р. Крон

РЕСПУБЛИКА озер,

По вечерам окна нивастровской гостиницы заснеживают большими черными шторами. Для непривычных приезжих «делает ночь», но солнечные зайчики находят щели, проникают в комнату и бегают впереводки по деревянным смолистым стенам.

А за окном бесменно дежурит солнце. Ребятишки все же могут оставить игры в городки. Они забыли, что день кончился и время зашло далеко за полночь.

Май в Заполярье отмечен куда-то провалившимися ночами, неутонимым солнцем и робкими вестниками весны.

Когда экспресс «Полярная стрела» останавливается у тишеющего раз'сада Пинь-озеро, незвольно вспоминается та классическая северная тишина, о которой написано столько стихов:

«Пуста в Кареле сторона,
Безмявыны Севера поляны,
В тиши ночной как великаны,
Восстав озер своих со дна,
В выси виснутые обломки,
Чуть ушедшие потоки
Блуждя первонаачальных гор.
Но редко человека взор
Скользят, заходит в их изгибы...»

Очень давно написано это поэтом Ф. Н. Глинкой, сосланным на Север царским правительством. Очень давно, ибо сейчас за поворотом извилистой дороги (оставивший раз'сад Пинь-озеро позади на 2 километра) приезжий сразу входит в грохот и шум, скрежет шл и визг лебедек. Он слышит эхо рвущегося аэмолада, которое разнесится далеко в горы.

Не затихает в этом хоре и голос Нивы — буйной и лютой рекушки. Это какой-то гремящий, сокрушительный водопад, а не река. Она летит через озеро Имамдра, через Пинь-озеро, через Плес-озеро, разбивает свои воды о 130 порогов и с высоты 127 метров низвергается в Белое море...

Нива — это огни на Севере, расцвет индустрии, полярная цивилизация. Самая северная в мире гидроэлектростанция стоит на нивских берегах. Входящие из-под ее крыши провода передают свет и тепло апатитовым и фосфорным заводам Кировска.

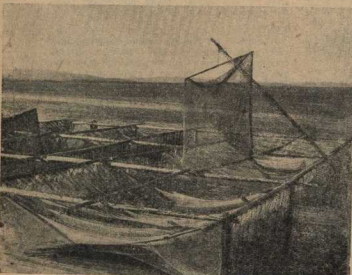
В поселке Нивастрой живет 12 тысяч человек. Они строят вторую очередь станции — верхнюю плотину Нивы, энергия которой предназначена на электрификацию Мурманской железной дороги. Они будут строить и третью очередь, самую крупную, — кандалакшскую плотину для Кандалакшского химического комбината.

Большевики преобразуют Север.

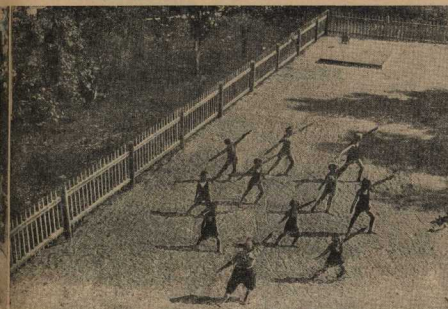
Карелию справедливо зовут республикой новостроек. Недавно выстроена лыжная фабрика в Петрозаводске (выпускает 25% союзной про-

Главное богатство Карелии—лес. Мировой рынок издавна ценит ее сосны и ели. На снимке: сплавщики на пороге рони Водлы Пудожского района.

Начался лов. Рыбаки в Кандалакшской губе сушат сети на солнце.

..Солнце не заходит в майский вечер. Улицы нивастровского поселка выглядят празднично. Сегодня выходной. На снимке слева: дети на спортплощадке.

НАША РОДИНА

лесов и новостроек

дукции амь), строятся 2 кирпичных завода, элкомбинат, Кандалакшская электростанция и др.

Ежегодно Карелия дает Стране советов 80% союзного производства шпата и кварца, 30% гранита, 5% всей бумаги, выпускаемой в нашей стране, и 18% из всего экспорта леса.

Лес — основное богатство Советской Карелии. Сосна и ель занимают тут огромную площадь в 14 миллионов гектаров. Через беломорские порты идет за границу строевой, пиленный и тесаный лесной материал. 7 миллионов фемстеров леса заготовила в 1934 г. Карелия.

В лесах проложено 1000 километров усовершенствованных дорог.

Лесорубы стали употреблять специальные топоры американского типа, усовершенствованные лучковые пилы. Зимой в лесах раз'езжают на удобных канадских санях и автомобилях. Несколько лет назад карельский лесоруб заготовлял в день 2,3 фемстера, а сейчас он даст 5,7 фемстера.

На Кемском заводе старики еще помнят злые полузабытую профессию валковых рабочих. Эти рабочие перетаскивали на своих плечах огромные доски и бревна. Тогда лесозавод держался на человеческих мускулах. Сейчас доска шестует по конвейеру. Тракторы и лесовозы вывозят готовую продукцию из цехов. Множество стальных помощников людей заселяют цехи — это обранные, речные, водичные, дражковые станы...

С каждым днем Карелия все дальше и дальше уходит от своего прошлого, когда она была «страной течи, мрака и гибели». Она уже больше не «треб природы», как называл ее Карамзин.

И все же как много еще воды и камня крутит! Четыре тысячи озер. Стремительные водопады. Земля, поглощенная болотами. Что же это: бесплодие и нищета? Вот он, камень, знаменитый онежский диабаз... 18 отраслей промышленности Союза кровно заинтересованы сейчас в добыче этого камня. Это прекрасный строительный материал, заменяющий чугун, железо, свинец и фарфор. Академик Левинсон-Лессинг открыл в Союзе первые камнелетящие цехи. Твердейший диабаз плавится в печах и превращается в кислородную массу, из которой отливаются всевозможные вещи: стальные, изоляторы и др.

А вода? Это неиссякаемый запас карельского «белого угля», гигантский резервуар электричества. Вода — будущее этой страны, в которой революция открыла огромные богатства недр: апатит, никель, полевой шпат, барит, железоз, серу.

Ученые не покладая рук работают в суровой Карелии. Они изыскивают лучшие удобрения, делают плодородным болота, сажают овощи, механизмируют лесозаготовки. Они идут в недрах Карелии новых богатств. И радостно пишет лучший исследователь Севера — академик Ферсман:

«На горах еще лежит глубокий снег, еще бурно пенятся реки и не протаяла земля, но уже светлеет непрерывающийся полярный день, уже ярко блещет солнце. Опять с'езжаются экспедиции, и через леса, по тропам, тянутся дружно со снаряжением, продовольствием, инструментами. Мы идем дальше, в ущелья и горы!..»

В карельской тайге еще раз'езжают на оленях, а в совхозе «Интернационал», в центре тайги, ребята уже изучают автотрактор...

Ребята — лучшие сладопыты Севера. Они знают, что «за горой брусника и морошка, что у порога «Малый разбойник» недавно поймали огромную семгу...»

Мечты и планы

ОПРАВДАТЬ ДОВЕРИЕ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА

АЛЕКСАНДРА ЗВОННИКОВА,

член ЦИК СССР, рабочий приемной
М. И. Калинин

Один мой брат строит город Комсомольск на Дальнем Востоке, другой брат — член партии, работает инспектором милиции в соседнем с нашим колхозом районе, а я вызван Миклаем Ивановичем Калининным на работу в Москву.

Когда привезла телеграмму за подписью председателя Центрального исполнительного комитета Советского Союза С. С. Председатель, мне работать в приемной Калинин, а сейчас уже образовалась.

Я была рядовым членом колхозно-совхозной бригады, работала в колхозе, до-комсомольски была редактором стенгазеты «За занятичную жизнь», была секретарем комсомольского комитета. Комсомольцы в колхозе много—60 человек. Далеко мне было уезжать из колхоза, смысла в нем и со своей бригадой, а комсомольской организацией.

Приходя на место дня работы, уставшие и допозднее, в свой колхозный дом, тепло, дружно мечтали. Ночи у нас, на Северном Кавказе, мягкие, теплые, звезды большие. Девчата между собой много говорили, что хорошо бы поучиться. И я думала о знаниях, о том, что хорошо бы через несколько лет стать специалистом сельского хозяйства. Но мечта и планы мои неожиданно получили другое направление: выбрали меня на районный съезд советов, а потом—на краевой, так я и отправилась от своих. На VII весеннем съезде меня, 20-летнюю комсомолку, выбрали членом правительства. Сразу возлагали ответственность мою перед бригадой, перед страной.

На VII съезде советов была у меня особая (на всю жизнь запомнила) день—это когда меня делегация сфотографировала с товарищем Сталиным. Одну такую фотографию я подарил своей бригаде. Ребята вывесили ее в будке полевого стана. Очень приятно и им и мне, что я сижу рядом с Иосифом Виссарионовичем.

В Москве мне дали большую работу. Сижу я в приемной весеннего старости, в судебном секторе, и принимаю посетителей. За день их бывает до 40 человек. Работать приходится во многих делах: квартиры перераспределяют, дела о кражах, хулиганстве, об унижении человеческого достоинства...

Каждого посетителя надо внимательно выслушать, направить куда нужно, пригласить от него жалобу или тут же, по ознакомлении с ней, дать ответ.

Работа ответственная. Хочу научиться работать так, чтобы не было ни одного промаха. Мне, новичку, оказывают помощь, но, для того чтобы оправдать доверие Михаила Ивановича, я буду много самостоятельно работать, много учиться. Сейчас я изучаю математику и русский язык.

Хочется мне, когда получу отпуск, поехать в родное село Воронцово-Александровское и отчитаться перед одноклассниками в своей работе.

В свободное время сижу за книгами: много читаю.

Всегда возможно, что и потом последую примеру чуткой и внимательной, много помогающей мне Натальиной, члена ВЦК пришлоею союза, успешной учебу в Институт советского строительства.

Несдавно я проектировал освещение огромного комбината издательства «Правда». Я изучала все в каждом цехе. Я искала особые способы освещения деловых кабинетов, библиотечных и читальных зал, комнат отдыха. Деловая торжественность комбината президиала совершенна по всем требованиям чем, например, наборно-машинный цех или комната отдыха с ее «бодрым» светом.

В моем распоряжении целый комплекс замечательных вещей: зеркальные рефлекторы, специальные арматура с фильтрами, дающими спектр дневного света, арматура из гнутого молочного стекла, лампы и т. д. Я мечтаю в совершенстве научиться пользоваться всеми этими достижениями техники. Осветить дома просто, рационально, красиво—это цель моей работы.

Сейчас я работаю над оформлением лучшего стадиона, который строится в Игитово. Здание выдвигает более сложные требования. Если 3—4 года назад мы могли удовлетвориться простыми геометрическими формами: прямыми, шестигранниками, зрительными планкостями—то сейчас этого недостаточно. Сейчас нужны формы пластические. Нужна арматура со сложными профилями.

НАПИСАТЬ ОПЕРУ О ЕМЕЛЬЯНЕ ПУГАЧЕВЕ

ТИХОМ ХРЕННИКОВ,
студент IV колхозно-операторского
курса Московской консерватории

В жизни мы смешались и грустим, то шумим, то догружены на серьезность. Пожалуй, это и есть тема значимая для каждого и сейчас пишу.

Мне хочется создать вокальную произведение. Интересная музыка—это современная музыка. Увлечательным, значимым я хочу сделать концерт для скрипки, роля, голоса и оркестра. В нем должна быть отражена вся полнота нашей жизни. Впрочем, все это ступеньки к большой работе. В недалеком будущем я мечтаю написать оперу об Емельяне Пугачеве.

Меня привлекают в этой теме размах события и сама личность Емельяна Пугачева, человека сильного характера.

С именем Пугачева связываю имена трех женщин. Одна из них его предала. Личные переживания Пугачева также займут определенное место в моей музыке.

На оперу буду работать во всю силу своей молодости, своих 22 лет.

УКРАСИТЬ НОЧНУЮ МОСКВУ

АБРАМ ДАМСКИЙ,
художник-инженер по светотехнике
строящихся зданий государственного эталона

Мы используем новые материалы: прозрачный мрамор, бронзу, никель.

Наша Москва в каждом доме изменит свое лицо. Улиц намечаются контуры «Большой Москвы». Однако посмотрите, как еще темно и безлику освещены, например, витрина центрального уада. Аппаратура Москвы выглядит жидкостно-радужно: здесь пероборота рука «светового художника».

Черемки, ночная Москва, лучшее ее уады и здания теряют свои архитектурные красоты из-за блеска освещения. Дайте сюда свет—и все будет иначе.

Осветить всю Москву—большая и сложная задача. Я мечтаю принять участие в ее решении. Проспекты, бульвары, парки, площади, фасады домов—все они вместе и каждый в отдельности должны получить свой свет. Здесь нужно думать, как лучше осветить тротуары, как раскрасить транзитную гамму света по салу-проспекту им. Ленина и т. д.

Десятки магистралей, тысячи уады, десятки тысяч домов—здесь есть над чем подумать и над чем поработать.

СТРОИТЬ ДВОРЕЦ МОЛОДЕЖИ

МИХАИЛ ПЕРШИН
архитектор, член
академии Шустера

Я мечтаю закончить образование в Академии архитектуры и принять участие в строительстве Дворца молодежи.

Сейчас я работаю над эскизами декоративного оформления полигамии молодежи. Я думаю, что большое надо окружить радостной обстановкой. Декоративные потоки вестибюля, приемный зал, маршировальные колонны с легкими напечатами, лотка на потолках—все это должно радовать глаз, давать бодрость в заблужденного человека.

Моя мечта, как и у вас, друзья.—Дворец молодежи.

Участие в конкурсе на проект этого Дворца будет для меня большим творческим праздником. Конечно, сейчас и не могу себе представить конкретных деталей Дворца-гиганта, но для меня ясно образ этого сооружения—образ здорового, красивого юноши. Этот образ должен определять характер всего архитектурного ансамбля.

Остановка, расположенная зал, скульптурно, открывающиеся из окон пейзажи—все должно отразиться образовательно молодежи. В этом Дворце должны быть сосредоточены все богатства нашей великой страны, все суммированные знания, вся сложность современного техники. Прекрасный местом для Дворца молодежи была бы Ленинские горы с их массивными зелеными, красивым спуском к Москве-реке и простором солнечного воздуха...

О И УДАРЫ

Виктор Михайлов — чемпион СССР по боксу — сын лейтенанта. Отца он потерял в годы войны. Детство бригаисты чемпиона было очень тяжелым. Младшиком он работал мистифицированным слугой. В Свердловске, где тогда жил Михайлов, у власти были белые. Офицеры не раз набивались над маленьким мистифициком и ставили его на колени.

В Москве, куда Виктор переехал после смерти матери, его взяли в детский дом, и он работал в швейной мастерской. Из детского дома он переехал на фабрику им. Калинина ставильщиком, потом работал первым присучальщиком. Записался в физкультурный кружок. Стал заниматься легкой атлетикой. Вскоре одним из товарищей Виктора сообщил ему о боксерском зале.

Через полгода Виктор вышел на ринг и сразу одержал победу над противником.

Теперь у него 70 выигранных боёв, одна ничья и 6 поражений. Позвал Ю боксеров из дет. Виктор Михайлов — образчик чистейшего боксера. У него не было ни одного поражения на ринге. В быту он скромный человек, очень много работающий над собой.

Бокс — замечательная физическая закладка для человека. Бокс — это выносливость и резкость движений, находчивость и сообразительность, мужество и смекалка. Мне пришлось применить бокс для самозащиты от хулиганов.

Однажды стоя у Казанского вокзала, дожидаясь своего начальника. Работал я шофером. Вышел на автомашину и вопопал в мотоцикл. Подходят 3 адресованных хулигана, просят прикурить и сесть в машину. Я спокойно оборачиваюсь. Хулиганы наседают. Несколько секунд я разгадываю их. Они наглоют. Боксерам интуицией нет. Выбираю самого заднего. Удар в челюсть — и противник валится в тяжелом нокауте¹. Не даю опривнеть его товарищам. Повторяю удар — второй летит на землю. Третьего оставляю зритель.

Был случай нападения на меня с ножом. Я парализовал удар одной рукой, а другой провел крошечный удар, и парень полетел на мостовую вместе с ножом.

Обязую тренировку. Без нее не выложу себя: устаю, мучает апатия. Зато после посещения спортивного зала какой чудесный подъем настроения! И огромное желание работать, работать...

Я очень строг к самому себе. Соблюдаю самый жесткий режим. Локусус, не тощие одиннадцати, встаю в половине восьмого. Ежедневно часовая прогулка утром. Затем разминка движениями резкого удара: кул, опенрот, страйт, джебс. Кроссы не бегать, предпочтя темповую пробежку на дистанцию от 800 до

1000 метров. В таком беге больше резкости, выносливости.

У боксера все мышцы должны быть пружины к резким, упругим движениям. Скакалка, спарринг бой с тенной, груша, мешок с песком, пнебюбо, груша с песком, пуз-пуз — вот «инструменты», при помощи которых и вырабатываются необходимые боксеру качества: ловкость, подвижность, меткость, быстрота, резкость и выносливость.

Регулярной, упорной тренировкой я приобрел неуязвительность в бою. Чувствую только точный, меткий удар. Неправильный, смазанный удар противника проходит для меня совершенно бесследно. Удара в нос просто не замечаю. Это место для меня совершенно безболезненно. Из носа кровь никогда не показывается, как бы ни был силен и точен удар противника.

Нокаут я получал только один раз, выступив против Сергея Лазова, превосходящего меня по весу на целую категорию. Оперкирот в челюсть он сбил меня. Я упал в бессознательном состоянии, не почувствовал самого удара. Не слышал, как отсчитали положенные 10 секунд. Сознание вернулось так же внезапно, как и покинуло меня. Я сам встал и, владея собой, подошел к стелу. После боя пошел к женой в янью. Я считаю себя физически крепким человеком и не ощущаю отрицательных последствий от нокаута. То же мнения и мои товарищи по рингу.

Прежде чем одеть перчатки, я обивую кисти рук марлевым бинтом. Это придает большую крепость руке и предохраняет суставы пальцев от вывихов при ударе. Во время боя кисти и вся рука расслаблены. Пальцы сцепляются в кулак только в моменты нанесения удара.

Бывает, что после короткого полого расслабления рука наносит решительный удар, но идет особенно четко и точно. Маневрирую руками перед ударом, подготавливаю позицию и даю выбрать чувствительное место у противника.

Очки я бою не использую за чистоту удара, одинаково и в нападении и в защите, а также за эффективную атаку противника. Количество очков, присуждаемых бойцам, в первом раунде до 5, во втором — до 7, в третьем — до 9. При равенстве очков нежд бое решает гласуудья. Начну у нас нет.

Во время минутного перерыва в бою расслабляю все тело. Даю всему телу полный отдых. Слышу слова менеджеров. Сам не тренирую ни слова.

Развивать надо не только мышцы...

Тренируюсь наидосугро.

Перед боем, за 5 минут до выхода на ринг, основательно разогреваю тело прыжками, боем с тенной, гимнастикой, чтобы сердце устало само работу. Тогда в бой вступаю с горячим сердцем, работающим полным ходом.

Раскажу читателям «Смехи» о своем последнем бою со Степановым. Готовился к соревнованию хорошо. Чувствовала себя прекрасно. Шел на победу.

Первый раунд. Брей инитиуван в свои руки и предлагаю противнику принять мой тенг и тактику боя. Работая в аутфайтинге. Нокаут не пишу. Мой противник осторожен. Иногда пережого инфайтинг обрабатываю корпус противника. С дальней дистанции стараюсь бить в челюсть. Противник придерживается выжидательной тактики, отвечая кулами на мои атаки. Ничего.

Второй раунд. Начиная с твердым намерением добиться преимуществ. Стараюсь вывести удары возможно резче и точнее. Работая в максимальной боксерской темпе. Не все удары попадают в цель. Противник хорошо защищается. Но у меня преимуществ: я его ударю не ощущаю. Не выдерживаю моей атаки, он идет на клин. Я вырываюсь из его обтяи и снова атакую серией ударов. Меняю тактику, пережого в аутфайтинг. С дальней дистанции стараюсь вложить силу в удар. Работая в одной темпе ровными, сильными ударами. Противник наносит мне несколько ударов, но я на них не реагирую. Бои они мне не причинют. К концу раунда мой противник выдыхается. Его удары слабуют. Не падает резкость, нет точности. Он явно идет на проигрыш. Я бьюнок к победе. Раунд заканчивается в мою пользу.

Третий раунд. Прогоняю свое прежнего темпа. Не терю активности, беспрепятственно атакую противника. Веду бой. Противник все чаще и чаще киничет. Частые обтяия выдают противника: он выдохся. Но я продолжаю считать его подлым. Настороженность прежде всего. Конец раунда проходит с живым преимуществом. Я выигрываю третий раунд, а с ним и матч.

Мой менеджер говорит, что бой был захватывающим. Это и не мудрено: из всех противников Степанов наиболее сильный и «стеначный» бокс. Работать с ним — большое удовольствие.

В буржуазных странах бокс — доходное зрелище. Мы берем от бокса мужество, волю к победе, настойчивость в достижении намеченной цели и смекалку в борьбе — качества, которыми должны обладать члены нашей родины.

Записал П. Ипполитов

Объяснение спортивных терминов

Нокаут — боец выбит из боя более чем на 10 секунд. После удара прекращается подача крови в мозг. Это явление продолжается меньше секунды, но приводит в себя боец лишь через несколько секунд.

Хук — короткий косой (боковой) удар согнутой рукой.

Опенрот — удар снизу согнутой рукой.

Свинг — боковой удар выпрямленной рукой.

Страйт — прямой удар.

Джебс — прямой короткий удар.

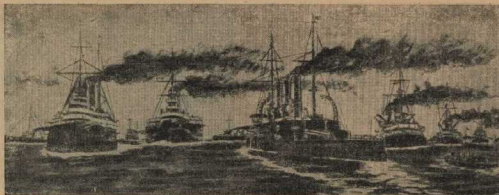
Аутфайтинг — бой дальней дистанции.

Инфайтинг — ближний бой.

Клинч — захват руками.

Спарринг — тренировочный бой с противником.

¹ Обозначение этого и последующих спортивных терминов даны в конце статьи.

„Потемкин“ встретился с эскадрой Черноморского флота.

С. Горин

БРЕНЕНОСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

— Караул, наверху! — раздался громкий голос командира. Через минуту караул уже наверху.

— Бойцам, давай брэнент! — отдает приказание старший офицер.

Команда победителя: странный приварк смерти промчался перед каждым. Еще минута — поднимутся руля, раздается алая, и десятки матросов будут растраивать, а труны их выброшены за борт.

На секунду водаралась гробовая тишина. Вдруг раздался крик:

— Братцы, что они делают с нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей их!

Только этого и надо было.

Команда бросилась на батарейную палубу, схватив винтовки, но патронов не было. Поднялся крик: «Давай патронов!» Налево патроны, зарядив руля и бросились на юг¹ освобождать товарищей. Везле судовой караула стояли командиры Гливарского, старший офицер Гливарского и старший артиллерист Неупоков.

В батарее гремит могучее «ура».

— Да здравствует свобода!
— Долой войну!
— Долой самодержавие!

Увидев матроса №, командир крикнул:
— Брось руля!

— Я брошу тогда руля, когда не буду живым существом, а труном... Убирайся с корабля, ты корабль народа, а не твой!

Гливарский и Неупоков, видя, что Вакулничук и Матюшенко зарядили руля, побежали на юг. Матюшенко бросился за Неупоковым, на бегу выстрелил, и тот с простреленной головой уна в адмиралский люк.

Выбросив Неупокова за борт, Матюшенко победил иезать Гливарского. У башки он увидел окровавленного Вакулничука и рядом спокойного Гливарского. Матюшенко встретил, но получившая осечка. Тогда Матюшенко ударил Гливарского в спину. Раненый офицер, шатаясь, упал на пол. Не сознавая опасности ранения, он закричал матросу:

— Ага, я тебя знаю, каналья! Ты убежишь теперь на сушу, но я сумею тебя найти!

— Ты не успеешь, болван, — ответила Матюшенко. — Я отправлю тебя вонюк в Макаров¹.

И Гливарский полетел за борт...

Так, по рассказу очевидца, 30 лет назад вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин Гавричевский». Это восстание — один из самых значительных эпизодов первой рус-

ской революции. Ленин писал тогда: «Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин ознаменовал новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия...»².

Началось восстание с отказа матросов есть борщ, сваренный из чернивого мяса. Это было толчком. Но причина для восстания была и без этого много. Суровые условия жизни, тулая, бессмысленная муштра, бесправие матросов и произвол офицеров не могли не вызвать протеста в то время, когда вся страна была обата штатками и бунтами.

Матросы арестовали офицеров и убили наиболее ненавистных из них. Они выбрали из своей среды 25 человек, которым и доверили управление броненосцем. В этот революционный штаб входили 3 представителя социал-демократических организаций Одессы, посланные на броненосец. Порядок и дисциплина были образцовые.

На другой день революционный броненосец покинул бухту Ренду, подошел к Одессе.

Труп Вакулничука был свезен на берег. Тысячные толпы стекались в порт.

У трупа был устроен митинг. Ораторы призывали к беспощадной борьбе с самодержавием.

Одесса переживала всеобщую забастовку. Пронскидан кровавые столкновения с полицией.

30 июня 1905 г. для усмирнения «Потемкина» вышла вся эскадра императорского флота.

Глава эскадры появилась на горизонте, востанние получив от командования телеграмму: «Здравствуй, черноморцы! Что вы делаете? Безумцы, пожайтесь!»

«Потемкин» ответил: «Требуем к себе адмирала».

Вторая телеграмма, когда эскадра вышла уже из-за горизонта: «Пришлите наших депутатов на судно «Три святителя» для переговоров».

«Выборным не пошел: если хочешь, приходи на «Потемкин» разговаривать», — гласил ответ.

... Боевой колаон двигался полным ходом 5 броненосца, минный крейсер и 5 контр-миноносцев, — вспоминает Матюшенко. — «Потемкин» стремительно шел им навстречу. Пушки наши поворачивались то направо, то налево и готовы были каждую секунду дать залп. Напряжение было страшное.

Но вот «Потемкин» врезался в эскадру... Команда судол, охваченная, все наверху, и некоторые манут нам шапками. Только на «Ростиславе» и «Трех святителях» зашевелились и не видать матросов. Не успели порываться с «Смоленск», как оттуда раздалось отчаянное «ура»... Видя сочувственное отношение всех матросов, «Потемкин» сигнализирует: «Все офицеры оставь броненосцу и сбежать на берег!»

Переступивший адмирал, боясь восстания и на остальных судах, пустил эскадру самым полным ходом и направился в открытое море. держ курс на Севастополь...»

Одиннадцать дней проплавал в водах Черного моря революционный броненосец.

Окруженный колаон врагов, жизненный возможности приобрести в портах топлива, пресную воду и провиант, подчасиваемый изнутри реакционным элементом, корабль-испытание вынужден был сдаться. Экипаж высиделся в румынском порту Констанца...

И все-таки «Потемкин» оказался непобедленным.

«Какова бы ни была его судьба», — писала Ленин, — перед нами valuable несомненный и замечательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии...»³

¹ Дания «Революционная армия и революционная привилегия». Собр. соч. Т. VII, стр. 375.
² Там же, стр. 360.

Офицер Гливарский стреляет в Вакулничука...

1 Превращен приравнен к революционному в расстрел.
2 Юг — коронная часть верхней палубы.
3 Вспомогательный штаб или штаб-квартира в 1905 г. Матюшенко, занимавший значительное место в «Потемкине», по революционному сообщению, вылез себе «Х».
4 Адмирал, погибший под Порт-Артуром.

„Корень ЖИЗНИ“

Студент Алексеев урывается от беды и окультов, захвативших Дальний Восток. Он пробравается к красивым, и белаяк-итайцам уважительно сну дорогу к охотнику Луеву. Луев — достойный знател тайги, искатель корня жизни, заманитого оленя-рогача. Следы охотника разочаровывает студента: через тайгу к красным пробраться невозможно. К ним можно дозваться лишь на пароходе. И Алексеев выжидает на время остаться в тайге.

Однажды Алексеев самшит характерный свист ланки (самки) «хуа-лу». Он пробравается сквозь заросли и видит прекрасное горное животное. У него зарождаются мысли приручить ланку и организовать олений питомник. Катача Луев и его друзья-охотники с радостью принимают это предложение.

Миша — дочь охотника Августу, переселенца из Прибалтики. Поздно ночью на лодке возвращается она с охоты, напевая свою любимую песенку. В это время по морю идет пароход. Алексеев в смятении бежит вдоль берега и кричит, чтобы остановила машину, чтобы вылез кто на борт, но безуспешно: его не видят, не слышат... Миша является невольной свидетельницей этой печальной сцены. Тихо подходит она к Алексееву и кладет около него цветы...

Алексеев не покидает мысль о питомнике. Как-то раз он заметил, что ланка прошла на мыс через перевесы. Ланка может убежать. Алексеев решил поймав ее. Он разводит забор на перевесы — олень не сможет перепрыгнуть через него! Но неожиданно ветер повернул в другую сторону, и олень начал перескакивать на деревья. Тайга в опасности, может погибнуть и ланка. Единственное спасение в воде, куда устремляется все живое. Миша со своим отцом Августом спасают ланку в речке. Речка, перескакивая тайгу, останавливает огненную бурю.

Алексеев совместно с итайцами-охотниками строит питомник, постепенно приручая ланку. Наступает осень — краснейшая пора в тайге. Изумительным богатством подернута лиственная деревня. Особенно ярко цветут гитакские ирисы, красные-шоном. Начинается гон итай-

Встреча Алексеева (арт. Смирнов) с Миной (арт. Хильда Енинго). «Не зря в море». — «Я [давно забыл о нем]», — отвечает Алексеев.

нистых оленей, и Алексеев выпускает в тайгу прирученную «хуа-лу». Она должна привести с собой в питомник оленей.

На скалах два огромных оленя-рогача бьются из-за «хуа-лу». Время близится к вечеру. Особопокойный долгим отсутствием ланки, Алексеев

Жительница тайги — лиса.

ев начинает играть на рожке. Услышав знакомые звуки, ланка бежит к питомнику, а за ней следует стадо оленей...

Весной у оленей наиваются кровью молодые рога — панты. Панты обладают большой целебной силой. Луев с охотниками начинает срывать олений панты. Но в этот момент из тайги к питомнику пробегается огромный медведь. Он разрушает часть загородки, и гугамые оленя в страшной панике убегают в тайгу.

В отчаянии охотники бегают по тайге в поисках ушедших оленей. Миша встречает «хуа-лу». Но радость напрасна! С ужасом она видит притаившего тигра, готового прыгнуть на ланку. Миша вскрикивает. Этот крик вслушивается ланку, и она убегает. Но Миша навлекает опасность на себя: тигр начинает ее преследовать. И только выстрел Алексеева, случайный оказавшегося вблизи, предотвращает неизбежную трагедию. Тигр убит.

Охотники возвращаются к своему питомнику. Варту один из них видит вдалеке «хуа-лу», которая ведет за собой большой табул оленей.

В этот радостный момент разделяется гудок парохода. Алексеев и Миша бегут на берег и видят большую лодку на пароходе: «Ланка».

Алексеев торжествует: это слово означает, что большинство очистил Дальний Восток от белой банды и интервентов. Краем примет советская власть.

— Вот он, мой корень жизни, вот он, мой «жень-шен»! — в восторге кричит Алексеев старину Луеву.

Мм рассказали вкратце содержание нового звукового фильма «Корень жизни», сделанного по сценарию писателя М. Пришвина. Действие происходит в тайге в 1920—1922 гг. Этот фильм поставил режиссер Александр Литвинов, давший нашему зрителю такие картины, как «Лесные люди» — об охотниках из племени удэи, «Туман» — о коряках, и много других экспедиционных картин.

Большим трудом режиссеру и его помощнику стоило приручить пушную ланку «Машку» — героиню картины. Долго молодельничать «Машка» и оленя гугамые одного вида киноаппарата, в страхе убегае при появлении людей. И только помощь, внимание и работнивость работников советского оленеводческого хозяйства помогал экспедиции снять нужные для картины сцены.

«Корень жизни» появится в скором времени на экранах наших кинотеатров. Зрители с большим интересом просматривают этот фильм, показывающий жизнь и работу наших людей в изумительном и чудесном крае.

Мих. Доготолов

Миша (арт. Хильда Енинго) с ланкой «хуа-лу».

Старый охотник, искатель корня «жень-шен», китаец Луев.

ПАВЕЛ ЖЕЛЕЗНОВ

Павел Железнов — бывший безпризорник и правонарушитель. Начиная статью о творчестве молодого поэта с биографических данных вообще не очень желательно. Но именно в данном случае поступить так. «Клобано вода», которое должно быть смыто «не кровью живоногого труда и учебы», — это не просто факт биографии, это и основная поэтическая тема Железнова.

С этой темы начал Железнов свою писательскую работу, эту тему он обрабатывает в продолжение пяти или шести лет, и, как писал сам поэт в прошлом году в стихотворении «Слезу», он до сих пор «еще от этой темы не ушел». Но отношение Железнова к своему странному и мучительному прошлому, осмысление им этого прошлого все время меняются, и в итоге возникновения и развивается предельно всего творческий рост молодого поэта.

Первая книжка его стихов «От пера к перу», изданная в 1931 году «Федерацией», называется так:

«Нет, вовсе не по праву мне
Самसन вымывать у ближних.
Хочу, чтоб стих мой прояснил,
Как в слезах брошенной булочки.
На восточных
Я жизнь погост.
И пусть амбиентом комфорта
Напомят этот жесткий стих
О тех, что гибнут до сих пор под...»

Лучше, наиболее сильные и художественно выразительные строки в этой книжке назовем пропитаны невинностью в «канище», что «выставляла напоказ все прелести слов, как «шмара»: невинность и «блатной» жизни, что «ужрала голды; злобой и «заваливши механам», которые прохвост беззастенчиво мимо гибнущих на мостках.

Эти моменты чувства и определяют собой художественную направленность, остроту и сосредоточенный пафос первых стихов Железнова.

Отражение в творческой жизни, и печаль — «серой, как шпиль», — к каменному/мешку тюрьмы, естественно, рождает желание вырваться из этого мешка, покинуть с «карьерой» вора и тюремного жителя,ступить на любой жизненный путь. И Железнов об этом:

«Не будет к прошлому возврата,
На «блатовство» и ставлю крик».

Оказано начертать себе новую программу — жизнь, четкую, определенную — Железнов еще не в состоянии. Если спросить у него, какой он настоящего и каким он мыслит себе свое будущее, он отвечает, беспорядочно, искренней, но крайне общей фразой:

«Иная, светлая тропа
Открылась мнежде преда мною».

Он еще не представляет себе в конкретной форме, что ждет его впереди, но с «блатовством» окончательно — и этого пока для него достаточно.

Первое стихотворение второй книжки Железнова, вышедшей в 1933 году Издательством «Издательство», — стихотворение вальмовское, и направлено оно против того, что сам Железнов писал двумя годами ранее в своей первой книге.

Обращаясь к друзьям, поэт говорит:

«Едва овладевши рифмой,
Став ислас сочетания слогов,
Чтоб тяжелей и острый стих мой
Проволок, так был стужен в стеклах,
Я пронес в поэзию смею
Эту выхлопу — «злой уряки»,
Но теперь за такое дело
Сам бы первый дал по рукам».

Железнов сознает, что ему да до того следуют искать самостоятельного механизма; ради этого

то писать стихи не стоит. Мало писать «о новых делах, о жизни, что бунует вокруг» и о том, как эта жизнь заставляет людей переустраиваться. Поэт сознает, что он живет в единственной из всех земных царств страхи, которая возмужает «злой» дань к трудовой жизни, и что его долг — участвовать в строительстве этой страны.

И вот мы находим у Железнова ряд стихотворений на тему, не связанные непосредственно с тем, что ему лично пришлось испытать. Нельзя сказать, чтобы произведения этого рода («газетизм», условно выражаясь, стихи) ставились у Железнова особыми достоинствами. Они, скорее, указывают на ту самую тему, неслучайно поэтическую ее разработку, что дело обстоит именно так, знает и сам поэт:

«Что надо делать, я кричу,
Но как, не укажу.
От темы, что не по плечу,
Покупаю улоку».

Но возвращается Железнов к своей старой теме, и тому, что ему «по плечу», обогащенный сознанием неразрывной связи между ним и новым, строящимся миром.

И это позволяет поэту переоценить свои прежние симпатии и антипатии, это позволяет ему дать свои ответы на многие «карлатные» вопросы действительности — статьи, которые нам, возможно, покажутся аментарными, но которые вовсе не являются столь ясными и легкими в глазах человека с биографией Железнова.

«Сердце дурное бегутет порой:
— А скоро ли тюрьмы
сравнятся с землей?
— Стой, сердце! Не ты ль
трещало в груди,
Когда я мальчишкой
на крыльях холка?
Сегодня —
Я сам, вчерашний шпана,
Слежу
без прикрас и без арак:
Да!
нам тюрьма
еще будет нужна,
Пока есть классовый враг!».

Еще дальше от «выходок много уряки» уходит Железнов в упоминание вальмовской творении «Слезу» (напечатано в «Новом мире» № 5 за 1934 г.).

В этом прекрасном стихотворении поэт обращается к своему ребенку:

«...Что было, то должно быть позабито.
О прошлом не помнит наши дни.
Расти, дитя, и выходишь на бегити,
Воскормило строй гражданин!
Не стой к старым ранам прикрасится.
Грота благого порося травой.
Тесе уж будет слово «вор» кахатся
Таким же странным, как «городовани».
Расти, смик, расти большим и муарим,
Тесе и не привидится по сие,
Что ману пришлось увидеть утром
Ты начал жизнь веселым, ясным утром
В счастливой, солнцем залитой стране».

Железнов снова пишет о прошлом. Но сколько отцов, прочитав эти строки Железнова, предадут его раздумья над колоссально сыма, признают его чувства понятными и близкими себе, своим? Им, может, не придется расквашать своим детям о чужих на улице, о беспризорничестве, но у многих из было лучше их собственное детство? Они скажут: «мальчишки» на кангистративных фабриках, или батрачки у помещиков и кулаков, их исправило билам зюева и отцы, и они исправило голодали. Сравнила свою судьбу и судьбу своих детей, «начавши жизнь веселым, ясным утром в сна тавой, солнцем залитой стране», они смело могут повторить горькие и радостные слова Павла Железнова.

Стихотворение «Слезу» — важный шаг в творческом развитии Железнова. Горькая и «злая» — для поэта уже не просто «кляксима», означавшая «до» от других людей: одновременно тюрьма и «злая» становится для поэта и символом старой России, символом, что исчерпано не только его юность, но и юности многих его товарищей, символом того, что враждебно не только ему, но и всем гражданам Советской страны.

А это означает, что в творчестве Железнова мотивы «блатной» неюности (преждевальные зинах читателей в книжке «От пера к перу») отступают перед чувствованиями, мыслями и страстью к единению своего поэта, который противопоставляет себя людям своей религии, а живет одной жизнью с ними, теми же волнениями и теми же радостями.

Павел Железнов — поэт-модернист поэтического века.

Удачные строки частично перемонаты в его стихах с неудачными. Иногда он прибегает к изумленным, изумленным сравнениям (воре: «всенских сумрак сонное лавло наброска город на продолговатые лавки»). Нередко попадаются у него штампы (например: «гражданин ипа»). Несколько однообразны ритмические интонации.

Достоинство и сила лучших стихов Железнова в безусловной серьезности содержания и полнокровной их искренности. И лучше всего эти железновские качества доходят до читателя, когда они выражены прямо и просто:

«Пусть старая павани и мамани
Расказывают сказки детворе,
Мне хочется, чтоб знали дети наши
И узнавали мучи матерей».

Эту линию простого, глубоко-эмоционального стиха Железнов нам «каждый» и следует продолжать, но он должен при этом добиваться полноценности и оправданности каждого слова, он должен добиваться той трудно достигаемой простоты (не примитивности!), внутренней силы поэта в большой значимости мыслей и чувств, передаваемых поэти-

Регби

Зрители регби рассказывают следующую поучительную историю, происшедшую за границей. Один чудак, впервые присутствующий на матче регби, при виде образовавшейся на поле ледяной свалки пришел в изумительное удивление.

— Простите, — нерешительно осомлдился он у соседа, — почему они дерутся? Заснеженный стадион окутан его презрительным взглядом и, не сдержав насмешки, коротко ответил:

— Они играют.

Белая не померла. Он вытер выступивший на лбу пот и отправился искать развлекания. Этот анекдот, однако, не лишен реальной основы.

В Америке и отчасти в Европе профессиональные регби имеют очень малый элемент настоящей спортивной игры. Грубая физическая сила преобладает здесь над всеми остальными.

Регби родился на футбольном поле. Само название игры происходит от небольшого английского города Регби, близ Оксфорда.

Однажды две студенческие команды этого города играли в футбол. В составе одной команды находился весьма темпераментный юноша по имени Уэб Эалис. Он сам экспансивным малым, способным в любую минуту выфростать какую-либо штуку.

Игра становилась все более напряженной. Команде Уэба Эалиса приходилось очень туго; нападение противника атаковало их ворот, вратарь выбавался из сил, отбивая мяч, защита совершенно растерялась, деморализованная стремительным натиском противника...

Уэб Эалис стал нервничать. До конца игры оставалось мало времени. Нечего было и думать выиграть встречу или, в лучшем случае, сравнять счет очков. Неизбежный проигрыш вставал перед ним несомненным позором. Мечта снова катилась в воротах его команды.

Уэб Эалис почувствовал странное возбуждение. Резко повернувшись, он победил наперекор противнику. Проведя чем тот успел, что-нибудь соорудить, Эалис нагнулся, схватил руками мяч и, перебрав все направления игры, повнес к воротам противника.

Игра сразу приняла настолько необычный характер, что ошеломленные футболисты застыли как колом. Уэб Эалис продолжал бешено. Ошеломленный судья стоял посреди поля. Рука его со свистком застыла на полуторах ко рту.

Уэб Эалис находился уже совсем близко от ворот противника. Вратарь решил, что он сошел с ума, и выбежал на ворот. Уэб Эалис бросил свой пост, чем встретился один на один с сумасшедшим.

А Эалис словно не замечал, что творилось вокруг. Он стремительно влетел в сетку и только тогда, объективно взглянув, вынул мяч из рук...
В таком образом было положено начало регби как игре в футбол с захватами мяча руками.

Придумали линию полята удивительного мяча в форме надуваемого яйца. Известно, что мяч неслетя мимо на тебя, но неожиданно оно круто является вверх или в сторону, через минуту снова меняет направление, словно издеваясь над будущим за ним игроками.

Согласно правилам, мяч можно бить ногами, хватать и нести в руках.
Игра происходит на обычном футбольном поле. Вместо ворот—проводится за мяч черта. Принимают и выдают мяч за чертой, на стороне противника,—значит получить очко для своей команды.

Матч длится полтора часа: 2 тайма по 40 минут в каждом, пазс время на перемену между таймами.

Та команда, которая наибольшее число раз прикасается мяч за чертой на стороне противника и забивает наибольшее количество очков, признается победительницей.

Существуют 2 разновидности регби: европейская и американская. Они отличаются друг от друга количеством игроков, характером и ходом самой игры.

В европейском регби в команде играют 15 человек, в американском—только 11. Отличительная черта американского регби—никого не ограниченная грубость и бешеный темп, требующий от игрока предельного напряжения сил. В Америке в противоположность Европе разрешается нападать на противника, не имеющего мяча. Пале превращается в арену ожесточенной драки 22 человек.

В европейском регби строго запрещается нападение на противника без мяча. Нельзя также ставить подножки, что в Соединенных штатах разрешается и пользоваться приемами, причиняющими боль, но вообще защита противника от него не запрещается. Весьма распространена такая прием нападения: схватить противника за мяч за ноги, чуть ниже колен, и постараться встать на землю. Узнав, противник должен вынуть мяч.

Одежда европейских и американских регбистов также резко различна. По ту сторону океана она состоит из простой футболки и трусов, специальных ботинок и иногда шляпки.

Американский регбист в своем одеянии напоминает водолаза: на нем толстая кожаная шапка, полой на верхнюю часть свифадров, кожаный костюм и высокие башмаки с толстыми подметками. Лицо защищено специальной маской с прорезями для глаз.

В Соединенных штатах матч проходит всегда в закрытой форме. Они редко не превращаются в открытое побоище. История американского регби знает случаи, когда с поля уносил мертвых.

Американцы проводили матч регби между сборной Японии и сборной Америки, составленной из лучших игроков американских студенческих команд.

В середине марта в Японию прибуду свыше 40 американских «звезд» регби. Они проведут ряд показательных встреч между собой и несколько матчей с командами крупнейших городов Японии.

Американские регбисты по классу играли почти неизмеримо выше японцев. Ясно, с каким вниманием садились японцы во время первой показательной встречи за игрой своих завтрашних противников. Не гости вели себя тихо. Меньше всего в их интересах было играть в полную силу, раскрывая сложнейшую механику приема в ударов.

Американцы провели встречу довольно выгодно, выиграв разгромно у японских зрителей. Точно в таком же темпе они провели вторую встречу. Создавалось впечатление, что американцы вообще не бьются высокой техникой игроков.

Через несколько дней состоялся долгожданный матч сборной Японии со студенческой сборной Соединенных штатов.

Нельзя сказать, что японцы и замалывали мяч, став очевидным, что силы противников неравны. Японская команда аргумента под буйным натиском американцев. Почти каждую минуту американцы зарабатывали новое очко. Поле было в их полной власти.

...В регби бываю отстрые, напряженные моменты...

Самым замечательным моментом в этом матче было «заполнивание» одного американца. Расмэй, 5-футовый игрок, вратарь схватил в руках мяч, мячал и черте противника. Он несся как смерч, и никто не смел его задерживать. Всякий, кто попытался бы его остановить, был бы опрокинут наземь.

Матч закончился весьма печально для японской команды: она набрала всего 6 очков, тогда как американцы—73.

В текущем году регби впервые вводится и в СССР. Конечно, оно ни в какой степени не будет напоминать американское или профессиональное регби. В основу игры вступят правила, принятые в Европе. Из них исключено все, что может оправдать избиение и увечье.

Регби соединит в себе элементы футбола и гандбола. Регби в СССР обещает будущее гандбола.

Советский спортเสมอ вылезает на международную арену. Советские мастера становятся в первые ряды сильнейших спортсменов мира. И надо вселенски приветствовать введение у нас таких видов спорта, которые до сих пор еще мало известны в Советском союзе, как регби и бейсбол.

Регби обладает многими ценными качествами, собственными лучшим спортсменам.

Регбист должен быть решительным, выносливым, обладающим не только физической силой, но и большой сообразительностью. О больном военно-прикладном значении регби говорит тот факт, что эта игра является культивируется в армии Европы и Америки.

Регби изобилует острыми, напряженными моментами. Это делает игру живой, оригинальной. Требования, предъявляемые к регбисту, весьма высоки.

Команды регби уже имеются в Москве, Ленинграде и других крупнейших городах Союза.

В календаре общесоюзных спортивных мероприятий включены розыгрыши первенства Москвы и регби. Московские регбисты уже провели ряд тренировок и встреч.
После встреч команд разных городов будет сформирована сборная команда регбистов СССР, а в июле текущего года состоится первый всесоюзный праздник советских регбистов.

Страница великой биографии

В конце 1901 г. из Тифлиса в Батум пришла для трудоустройства местной подпольной организации один из виднейших деятелей партии. Он поселился в квартире рабочего Чиадзе, на Тифлисской улице, и сразу занялась с нелегальным рабочим кружком на Вязуках (окрестности Батума).

— У вас очень медленно идет работа,— сказал он члену кружка Шапатава,— а надо добиться того, чтобы революционное движение развивалось как можно скорее.

Это был 22-летний Сталин — товарищ Соколов, как его называли тогда рабочие.

— Нам нужна масса и только масса, без нее у нас ничего не выйдет,— говорил товарищ Сталин. И каждый раз при этом он ссылался на Ленина, имя которого батумские рабочие усматривали от него впервое.

7 марта 1902 г. на базарной площади состоялся первый в истории рабочего движения Батума политический митинг, на котором открыто обсуждалась требовая рабочих. Митинг был разогнан, а часть рабочих арестована. На другой день товарищ Сталин организует демонстрацию с требованием освобождения арестованных. Демонстрация была настолько шумливой, что ее никто не посмел задержать. И только когда демонстрация приближалась к торговле, власти, опомнившись, начали действовать. Демонстрация была окружена кольцом казаков.

Арестованных в тюрьме не оказалось. Их перевели в казармы. Рабочие спокойно повернули к казармам. Кольцо казаков двигалось вместе с демонстрацией. И тут рабочие по-

няли хитрость властей: казаки хотят всех запереть в казармах! Начали расходиться. Но казаки успели задержать 450 человек. Когда товарищу Сталину сообщили об этом, он спокойно сказал:

— Мы снова устроим демонстрацию, для того чтобы освободить рабочих, застрявших в переселенских казармах.

Утром 9 марта свыше 3 тысяч рабочих направилось к переселенным казармам.

Впереди был товарищ Сталин.

Солдатам встретили их пистолками. Демонстрация была обстреляна, многих убило. За товарищем Сталиным началась погоня...

И тут начинается рассказ о Хашиме. Хашим Сямбуа жил в селемии Мамадуни. Хашим мало понимал в революции, но он был честным и смелым абхазским крестьянином. И когда к нему пришла революционная рабочая и попросила укрыть товарища Соколов и его подпольную типографию, Хашим сказал: «Хорошо».

Хашим не только скрывал революционера-подпольщика, но и со всей добросовестностью выполнял поручения товарища Сталина: в коряжне, под фруктами и свежей капустой, он распространял листовки среди своих односельчан.

Обо всех этих ярких эпизодах из биографии нашего героя рассказывает замечательная книжка, написанная абхазским Партизаном. Называется она «Сталин и Хашим». В ближайшее время в Москве выйдет ее второе издание.

„Существа более ужасные, чем драконы“

Читатель вошел в книжный магазин и остановился у прилавка с вывеской «Белая-Ристина». Безучастно перебрал несколько новых изданий — они его не заинтересовали. Невольно, он хотел было уйти, но его взгляд случайно остановился на книжке в серой обложке.

«Охотники за микробами». Наверное, какой-нибудь медицинский учебник... Но почему он попал в художественный раздел?

Читатель наугад раскрыл книгу. Бросился в глаза заголовок «Левенгуа».

«...Этот привратник из Дельфты проиграл новый фантастический мир мельчайших существ, которые жили, рождались, боролись и умирали совершенно незримые и неизвестные никому от начала времен...»

Читатель никогда не интересовался микробами. Но рассказ об открытии Левенгуа его заинтересовал...

«...Это были своего рода звери, в продолжение многих веков терзавшие и истощавшие целые поколения людей, которые в 10 миллиардов раз крупнее их самих. Это были существа, более ужасные чем огненные гидры. Это были тайные убийцы, убивающие детей в их теплых колыбелях и коровей в их защитных хворостках...»

Читатель купил книжку. Он читал ее в трамвае. Он прочитал ее «заломом» в один вечер. Перед ним встал живой образ революционеров науки, ооруживших человечество на борьбу с несметными полчищами микробов: Луи Пастер, Роберт Коз, Мечников и многие другие.

И, прочитав книжку, наш читатель поразились: как можно было не знать все этих вещей раньше? Он с обидой перевернул последнюю страницу: хотелось читать еще и еще. Он вернулся к началу книги и пролистнул титularный лист: ему хотелось знать, какое издательство и какие люди способствовали выходу в свет этой интереснейшей книжки.

Поль де Крийон «Охотники за микробами». Перевод с английского. «Молодая гвардия», 1935.

Герои и мертвецы

Шпрем — буржуазный декад, представитель торгового дома Крузе. Он привезает в СССР. Здесь ему все претит. Замыкаясь от слобон, он говорит своему собеседнику:

— Я эту страну ненавижу за то, что здесь никто не думает о смерти. Салонной детский сад! Рокуют детей, спорт заводов и дователь... Скажите, капитан, что им об этом думает? Не о русских — о смерти?... Отмечается? Напрасно. Все равно придется задуваться! Это чертовски трудная роль: умереть... Я был женат. Полное счастье. Потом жена умерла от родов. Вы понимаете, что это? Я сидел рядом и держал ее руку. А рука уже была мертвая... Я наречество крепкий человек, но я свалился без чувства как дачника. Мне показало, что я тоже умер. А когда я пришел в себя, первым делом я обрадовался: я не умер!

Это враг, прогнивший и опустошенный. Он думает, что люди страны социализма не умеют чувствовать, а сам смердит как трун. Самоубийство — вот его единственный козырь.

А один из тех, кого он так ненавидит, комсомолец Мезенцев, говорит о чувствах:

«Если у Тургенева люди много чувствовали, то мы долгие годы сто раз больше чувствовали. Как они там ни расписаны, а перед нами они ценны. У него колобыла, например, неудачно или кто близкий друг — вот он и переживает. А у нас что, все удачно»

любят? Или никто у нас не умирает? Только наши еще при этом работают!»

Комсомола Воря, посланная на дальнюю заводу, глубоко переживает разлуку с Мезенцевым.

«Иногда, останавливаясь возле деревца, она доверчиво и стыдливо говорила: «Петька!». Прорыв облака, показалась луна, синия их на удивление... Но Воря не гадала ни на луны, ни на реку, покрывшуюся волгами. Кто знает, какая сила заставила ее встать и взглянуть в набухшую гилеву реку... Она погладила ее, сразу бросилась к заливу: ей показалось, что река завалила шлангет. Поблужав, она увидела, что река несет сверху горы красненин. Залива, подвавшись, двинулась. Воря зачем-то кинулась в воду и сейчас же подумала: «Дурал! Что это я делаю...» Она побегала к колоколу. Раздался набат, казалось, он выражал все; и току Воря, и страх, и этот внезапный ветер; и скрип завалин, и грохот надутого леса...»

Залива, десятки тысяч экспортной красненин были спасены.

Так живут герои нового романа Эренбурга. Они, живущие полкой и содержательной жизнью. Они чувствуют большое дыхание страны и времени. В каждом из них видны образ, написанный с большим мастерством и любовью. Роман называется «Не переводя дыхания». Он напечатан в 3-й книжке журнала «Знамя» и в скором времени выйдет отдельным изданием.

История одной коробки

Тридцать верст от Шуш, 60 от Иваново. Леса, красиво сбегающие в долину реки. Здесь, среди живописных суздальских ландшафтов, уже 300 лет стоит село Палех. Когда-то здесь был центр иконописной живописи. Изысканная узорность, сложность композиции, jewel-like золотая пшенисть, необычайная обидная изысканность — это высокое художественные качества составили известность палехскому письму. Передают, что великий немецкий поэт Гете, прослаивший про искусство, создававшее в Суздальских лесах, просил доставить ему произведения палехан. Но вот высокое искусство Палеха начало постепенно угасать. В середине XIX в. в Палехе появились иркутские иконописные мастера. Владимиром их были известные стяжатели. Они вымускали на рынок безумные, низкохудожественные работы. Палех опустился до уровня ремесла.

Жизнь в старой Палехе была тесна, страшна. О ней с трепетом вспоминают нынешние мастера миниатюры, которые прошли большую часть пути от «богословов», от ремесленников, до подлинных творцов, мастеров искусства.

«В старой мастерской... вспоминает художник Павел Пармазов... помещаюся до 50 мастеров и столько же учеников. Мастера располагались у окон, по 3 у каждого окна. Вместо столов были лавки, а мастера садясь на скамеечки... Мастерская производила невероятные глянцевые, прокопанной казармой, с безобразной и беспорядочной обстановкой, с грязным, заплеванным полом, который звали 3 раз в год на песту, воздвигание и рождество. Здесь смеялись все заласки: отвратительный «аромат» протухшего хлеба, употребленного при позолоте, запах вышивки, лабастра, сленки приходило к работе одновременно с мастерами, но, стараясь не опоздать, приходили раньше. Утром наблюдались сидения, за картинки: мамы мамши тащут око запертой мастеровой или укрываются от холода в отвратительной уборной...»

Труд от зари до зари. Конопяберная система. Один всю жизнь писал иконы святых («санчички»), другой—одежду, руки, ноги («долицички»), третий готовила грунт и т. д. В будни, как правило,—любовь, недоброжелательность. В драмные праздники—увлекательная лавовая подложка ана воду» и т. д. мутное, мусосен, но веселое, пыльное веселье. Там испепелялось большое творческое воображение, так в мертвом кругу церковных образов гурбасы талант.

Революция, по существу, вновь сотворила Палех, но на смену ремеслу пришло настоящее, большое искусство. Искусство миниатюры, которое получило признание на приездах в всемирных выставках. В Палехе наступило подлинное Возрождение, вернувшее к жизни некогда высокие живописные традиции православного сева. Бывшие «богословы», не спешившие поднестать свою фамилию под работой, стали художественными мастерами миниатюры на лаке.

Эти волшебные перемены становятся легкой сными, когда переступаешь порог Палехского музея, когда видишь березно хранящие в витринах шахматы, ларды, табакерки. Изумительно разнообразны картины, запечатленные на лаковой поверхности этих изящных вещей на панье-панье. На площади, равной иногда нескольким сантиметрам,—сложнейшие сюжетные. Гомер и Шекспир, Пушкин и Горький, тридцать былинных героев и печальное шествие бредущих по Владимирке дарских пленников... Давно несущий свой горючий след... и легендарный пролетарский полководец Чкалов...

Среди этих прекрасных, ошеломляющих своей повсюду творений есть одна работа, которая особенно волнует и заставляет долгие минуты стоять в раздумьи у витрины.

Помните знаменитые пушкинские «Бесы», гениальные стихи, в которых поэт выражал свое скорбное чувство?

«...Мутит тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий,
Мутно небо, ночь мутна.
Мечется бесы рой за роем.
В беспорядочной вышине,
Витом жалеюбим и воем
Надвывая сердце мне...»

Прозрачно зеленый фюг. В центре — тройка. Вымазывает кнутом ямщик, гонит вымазанных лошадей. Мчитса тройка сквозь туман, гургу, сквозь лобное запыление ветра, зментающего сутробы снега... Все в мутной пленке.

«...Вонота запыла, пыла плачет;
Квит тучион крапят;
Вон тут жеи одальце снают;
Лишь гагаза во мтег блеасть...»

Мчитса тройка, с узасом выладевает в мрак ночи гениальный поэт России... В избе ржест метели появляется лицо августейшего ландьяра—Николая I. Впереди—трусманная, убашившая фигура Дантеса с пистолетом в руках. Маска гробовщичья. Рядом со смертью, уже приоткрывающей рта и своей жертве (июское гранит выстрел Дантеса),—женщина, задомнившая в отчаянии руки. Это Натали, жена из Пушкина. Снега, в верхнем углу,—образ горько плачущей молодой женщины, любимой героини Пушкина—Татьяны, одиотворяющей здесь, на картине, мзру поэта.

Этот шедевр миниатюры принадлежит кисти одного из замечательнейших мастеров Палеха—замечательного деятеля искусства Ивана Петровича Вакурова.

Как происходило это чудесное озвучение черной поверхности коробки?... Давните проследите историю создания вакуровских «Бесов» по этапам.

Коробка садится из папье-мане, она долгу «закалывалась» в печь, покрывалась лаком, переходила из рук токаря в руки сушильщика, а затем и полировщика. Пока завершалась обработка «фрона», лаковой основой будущей «картинки» мастер вышивалась замесла.

Художника уже несколько лет боволаван образ Пушкина, социальная судьба поэта, его трагический конец в мрачных стенах николаевской России. Писательница в сотый раз пушкинских «Бесов», Вакуров решил написать композицию на эту тему.

Забравшая несколько вариантов, художник нашла верное звучание всей системе образов и пришла к мысли:

После того как контурные будущие картины были набросаны на бумаге, мастер взял в свои руки корыбу.

Она стояла перед ним на столе свернувшись, крепкая как дерево. Но бесы мастер уничтожил пемзкой: мельня ничто писать красками—ни «сысты», «пугачи» лак. Затем он стал, как говорят палехане, «вторить» краски, т. е. приготавливать их по традиционным рецептам на яичном желтке. Потом покрыл большими же части корыбу, по истерии которой истощена. Лапы после этих длительных притогований (мельня бесы не!) мастер начал уловый, выверенной долин оинтом белой наладывает краски.

В руке Вакурова была тончайшая иголка. Штрих за штрихом, иногда таким мелким, что его можно было рассмотреть лишь в лупу, он наполнял красочным в окувальном смысле слова, содержанием смену рисунка. Сколько-то долгих часов ушло на то, чтобы нарисовать толстого, поразительного своим замечательным сходством лицом Пушкина, передать заалаемые в отчаянии руки Натали, сандово-лаемое выражение лица у Николая I...

Былинаась и концу третья неделя, а корыбу еще не была готова.

Нарисовав картину, мастер перешел всю корыбу лаком (теперь краски крепко пристыла к поверхности), просушил и вновь протер ее пемзой. После этих процедур он начал рисовать картину расстарым как акварельная краска золотом (оно поступает к мастеру виде тонких листов).

Золото ирвет в миниатюры палеханя себе бую радла. Золотом покрываются все острые места картины. Этим придаетс необычайное освещение вещи, она вся как бы поворачивается к солнцу. Затем все миниатюры ободается золотым орнаментом, многократно покурруется костью и, наконец, сходит из рук художника.

Прошла месса... и чудесные «Бесы» Вакурова были окончены...

Такова история этой корыбу. История, рассказанная для того, чтобы показать всю сложность работы художника Палеха, создавшего замечательные картины на корыбух из папье-мане.

Сегодня
вышла
зарплата

„Кривая“ бюджета.

„КУДА ТЫ ДЕНЬГИ ДЕВАЕШЬ?“

Дорогие товарищи!

Хочу поговорить с вами насчет одного важного вопроса.

Приехал ко мне недавно назад, в выходной день, друг из Ташкента. Ну поговорились, вспомнили о товарищах, о чужих, выпили чаю с пашками — все, как полагается. После этого огадала друг мою комнату, повела носом и сказала: «Знаешь что, Шура, смотря и на твою обстановку, на твой выходной наряд и поражаюсь, куда ты деньги деваешь?»

А обстановка у меня в комнате, надо прямо сказать, невнятная: стол слетел перекосяко, лампа без абажура, под диван подложено два ящика, чтобы не завалился. Костюмчик на мне потертанный. «На уровне» у меня находится только кепка и пальто.

У меня тут с монетой: каждый раз дней за пять до покупки беру я у товарищей взаймы. Попытуй красивые вещи и откладывать деньги на сберкнижку в связи с этим не приходится.

Все это я откровенно рассказал товарищу. Тогда он стал меня расспрашивать о разных мелочах жизни, и сейчас, после некоторого раздумья, я вижу, что большинство заработанных мной денег расходуется на разные случайные траты. Мне кажется, что и у многих других товарищей, особенно холостяков, такое же положение с деньгами, и я решил поговорить с ними на страницах «Смена».

Я зарабатываю в среднем 240 рублей. На руки в двухнедельную получку получаю рублей 110. Шесть дней назад выдала мне зарплату за первую половину месяца, но в кошелечке моем лежит только 15 рублей. Куда же девались деньги?

Начну вспоминать: на 17 руб. роддал долгов, которые по мелочам шибра перед самой получкой (на buffet, на парикмах и т. д.).

Если же говорить начистоту: выжила и закупили с ребятами; на брата пришлось по 15 руб. Живот и голова болеют на другой день сильно. Дальше, когда деньги в кармане есть, особенно не подсчитываешь: то квасу выпьешь, то конфект купишь, то парикмахер лучше возьмешь, то у чистильщика сапоги почишишь — так трешка в день, считую, что улетучилась, а за 6 дней — 18 руб. Членские взносы — 6 руб., трамвай — 6 руб., 6 обедов по 1 р. 20 к.—7 р. 20 к. Что же еще? Книг не покупал, в театр не ходил... Да, хлеб: через день полкилограмма белого, полкилограмм черного — за 6 дней 4 р. 50 к. Масла и колбасы по талонам взял — 14 руб. за все. Всего нарасходовано 87 руб. 70 к. Да есть еще 15 рублей.

До получки 9 дней, а за квартиру и за электричество еще не плачено.

А ведь мог бы я, пожалуй, и книги приобрести, и в театр почаще ходить, и на велосипед деньги откладывать, и не стрелять по трешке у всех родных и знакомых. Но как же тут подсчитать, как урегулировать и уравнивоветь расчеты, когда существует у меня (да и у большинства моих товарищей) разболтанность в этих делах. Если и есть у кого из ребят сбережения, то держат они это в секрете, а то, чего доброго, засмеют. Бывали уже такие случаи. У меня сберкнижка, конечно, есть, но на ней лежит уже второй год рубль с копейками.

Мне кажется, происходит такая неурядица с деньгами по причине того, что мы никак не рассчитываем наших расходов. Ведь зарабатываем мы, молодые квалифицированные рабочие, прилично. Но существуют неправильный взгляд: есть в кармане деньги — и ладно, значит, все в порядке, и над тратой трешки

или пятерки ничего раздумывать. А ведь из этих трешек и пятерок составляются сотни рублей.

Швыряние деньгами на таски, на выжины и т. д. считается чем-то вроде доблести: «Смотрите, какой я парень: мне не жалко.» А приспособился к швырянию трудовыми деньгами — и наконец понимать, что нет здесь ничего хорошего.

Обдумав все эти вопросы подробно — и начинаешь понимать, что к нашему, советскому трудовому рублю надо относиться с уважением, беречь его. В теории я это прекрасно понимаю, а на практике получается совсем другое.

Хорошо бы поговорить нам насчет этих дел, насчет скуности и бережливости, насчет «шпроты натуре» и рачительности, как кто строит свой бюджет и как бы хотел его постронить.

Алексей Митрофанов.

Москва.

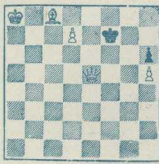
«Смена» просит читателей рассказывать на страницах журнала, как они организуют свой бюджет, сколько тратят на театры, на покупку книг, вещей и др.

ШАХМАТЫ

под редакцией Л. Гурели

Задача № 2

В. Шинемая (из «New-York Clipper»)

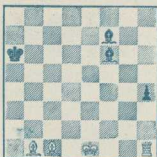

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны (вместе с решениями) в августовском номере «Смены».

Этап № 2

М. А. Айашишата (печатается впервые)

Белые, начиная, выигрывают.

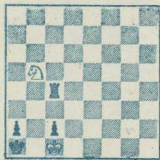
В СПЕШКЕ...

(Загадка)

Провзвела звоночек, и фойе клуба почти опустело. Только в дальнем углу несколько шахматистов спешным дограть начатые партии. По молчаливому тесному кругу нетрудно догадаться, что у каждого из игроков в кармане лежит билет на киносеанс, который начнется через несколько минут.

Кто из шахматистов не вывел за две минуты, когда вот-вот начинающийся киносеанс протопавший поезд встает громким цейтнотом над играющими, когда рука тянется к фигуркам, чтобы сбросить их в корытку, и все же делает ход. Именно в эти минуты так никогда не удается завершить начатую комбинацию, реализовать накопленное преимущество коротким и исчерпывающим: «Мат!» И трудно в такой момент сменить в бесформенную лачу фигуру...

Без сомнения, все эти чувства наполняют и вот этих шахматистов — парня и девушку, которые так поспешно переделывают фигуры. На лице девушки, играющей белыми, чувством посядм. Горючись сделать ход, она просматривала самую простую комбинацию противника и потеряла ладно. Впрочем, она не складывает оружие и храбро берет единственную свою кошку против ладья и двух пешек противника.

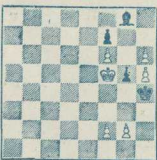
Ход черных.

У белых нет никаких шансов даже на «ничью» — нишу про такие позиции в шахматных учебниках и теоретических трудах. Но разве шахматисте теоретик могут учесть такие шансы, как считанные секунды, которых не хватает у противника для окончательной по-

беды, а также и то, что у «белых» чудесные голубые глаза и тысяча других прекрасных качеств, и противник поэтому совсем не кажется противником.

В описываемом случае все эти обстоятельства были налицо, и парень сыграл Лсб — с3. Расчет его был прост: белые побьют ладью — получится мат, партия окончится, но взаимному удовольствию, в частности и, главное, до вичаца киносеанса. Но извините миролюбиве юноши было жестоко наказано. Правда, желание его поскорее оканчить партию исполнилось, но, увы, совсем не с таким результатом, какого ожидал он: не приняв великодушную жертву черным, белые обвели им... мат в два хода! И действительно, оказавшись в сильное черных фигуру единственной белой кошке привела в исполнение эту угрозу.

На соседнем шахматном столике также творятся интересные события. Белые пешки сгруппировались на правом фланге и грозят продвинуться к заветной восьмой горизонтали. Из напор сдерживает черный слон. Не наладясь, видимо, на его силу, черные обходят маневром приближенки к белым пешкам своего короля и... последний звоночек заставляет заигравших шахматистов устремиться в зал.

— Чей ход, товарищи, — несетса вдогоноку им. Видно, кто-то из групп ребят, только что вошедших в клуб, решил дограть неоконченную партию.

— Ход белых! — на ходу отвечает один из партнеров. — Выигрши у них в руках, нужно... Что именно нужно, шахматисте «наследники» не расслышали. И тихоно ввиндился

играть за белых морщина лоб, пытались найти выигрыш, который уже в руках! Так и не обнаружив его, он ухался.

Что-то свает ему его предостережения, узнав об этом? Или, может быть, в слухе он сам ошибся? Висное бывает, когда прозвонит звоночек...

Н. Турон

ОТ РЕДАКЦИИ

Как же в первой из описанных здесь партий один конь белых заматовал противника? Правда ли была шахматист, взявшийся доиграть за белых вторую партию, признав себя побежденным?

На эти вопросы, поставленные в загадке, мы предлагаем нашим читателям попытаться дать ответ.

Пять товарищей, написавшие наиболее оригинальные и мотивированные ответы (в течение не более 3 недель со дня выхода номера), будут премированы шахматной литературой (а числе которой сборник «VII всесоюзный шахматный турнир», сборник избранных партий чемпиона мира Алемиза (2-я часть) и др.).

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ, СТАТЬИ И ОЧЕРКИ:

Николай Островский. Восстание	4
Виктор Шляховский. Марго Поло	6
В. А. Гаминев. Мой поэт в бугату Тинси	9
Летчик Валдислав Рабушин. О героизме и о личнестве	11
Р. Крюк. Республика озера, лесов и новостроек	12
Виктор Михайлов. Мои удары	15
С. Герин. Всплеск революции	16
Г. Анобаров. Павел Железнов	18
С. Илья Балмашов. Ретгив	19
С. Фом. История одной корочки «Куда ты денешь девашень?»	21
	22

СТИХИ:

Евг. Абрамов. Песня городов	8
В. Замитин. Первый посяд.	10

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ:

А. Литовский. Военном Салов	10
-----------------------------	----

Мечты и лавны	14
---------------	----

ЧТО МЫ УВИДИМ НА ЭКРАНЕ:

Мих. Делоголов. «Корень жизни»	17
--------------------------------	----

Заметки об интересных книгах	20
------------------------------	----

Шахматы	23
---------	----

Это было в нове	2
-----------------	---

РИСУНКИ: С. Растрогова, И. Селенова	
-------------------------------------	--

ФОТО: А. Гайковича

На первой обложке фототюд И. Шагина «Лето»

На второй обложке фототюд А. Гайковича. «За поларным кругом»

Ответ. редактор В. ВЕЛЬМИН

Зам. ответ. редактора А. КРОНГАУЗ

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»

Сдано в набор 16/V 1935 г., подписано к печати 9/VI 1935 г.

Изд. № 570 1/4 бум. листа.

168 948 л. в 3 в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б-4366. Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8. Зак. № 1100. Тираж 70.000

цена 60 коп.

За полярным кругом...

*Первые георгины, выращенные в Бо-
таническом саду Кировска*